

18+

ЧТО
ТАИТСЯ
ЗА
ЗАВЕСОЙ

ХАРПЕР Л. ВУДС

Mainstream. Темное фэнтези. Бестселлеры Харпер Л. Вудс

Харпер Л. Вудс

Что таится за завесой

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Вудс Х.

Что таится за завесой / Х. Вудс — «Издательство АСТ»,
2022 — (Mainstream. Темное фэнтези. Бестселлеры Харпер Л.
Вудс)

ISBN 978-5-17-151092-3

Когда-то мы поклонялись им как богам. Почти четыреста лет Завеса защищала нас от фейри Альвхейма. А потом мы погибли от их мечей. Все изменилось в один день – Завеса рухнула, впустив фейри в мир. Они ставят метки на тех, кого хотят подчинить себе, но Страже Тумана, защищающей мир людей, отдан приказ уничтожить нас всех – и тех, на ком появилась магическая метка, и тех, до кого фейри еще не добрались. Всю жизнь я ухаживала за садами на границе наших миров, и мерцающая магия Завесы влекла меня, как пламя влечет мотылька. Но если я хочу дожить до своего двадцать первого дня рождения и остаться свободной, нужно бежать.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-151092-3

© Вудс Х., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

О книге «Что таится за завесой»	6
Глоссарий	8
Иерархия богов и фейри	9
Дикая охота сидхе	11
1	11
2	15
3	22
4	30
5	41
6	44
7	50
8	55
9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Харпер Л. Вудс

Что таится за завесой

Для тех, кто находит свободу во тьме

Harper L. Woods

What Lies Beyond the Veil

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author, except for the use of brief quotations in a book review.

© 2022 by Harper L. Woods & Adelaide Forrest.

© Map design by Abigail M. Hair

© Е. Бойченко, перевод на русский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

О книге «Что таится за завесой»

Когда-то мы поклонялись им как богам.

Почти четыреста лет Завеса защищала нас от фейри Альвхейма. При них мы жили в разврате и грехе, а после их ухода, под руководством Новых богов, нам пришлось выживать, культивируя добродетель. Всю свою жизнь я ухаживала за садами у границы между нашими мирами, и мерцающая магия Завесы всегда влекла меня – как пламя влечет мотылька.

Потом мы гибли от их мечей.

Все изменилось в один день – Завеса рухнула, снова впустив фейри в наш мир. Своей магией фейри метят тех, кого хотят забрать с собой, но Стража Тумана, обороняющая Нотрек, старается уничтожить нас, пока до нас не дотянулись фейри. Выбора нет. Если я хочу дожить до своего двадцать первого дня рождения как свободная женщина, мне надо бежать. Бежать и бросить все, что я знала.

Теперь они потребуют то, что принадлежит им.

Но я им не достанусь – Кэлум спасает меня от Дикой Охоты. Он тоже меченый и тоже в бегах, и только он может дать такой отпор, на который сама я не способна. Мы прошли путь от временного союза до всепоглощающей страсти, и наша связь крепнет по мере того, как нас окружают фейри, а зло подкрадывается все ближе. Сейчас, когда на карту поставлена моя жизнь, он – все, о чем я и мечтать не смела, но при этом Кэлум отвлекает меня, а этого я себе позволить не могу. Я не могу остаться в стороне, даже когда на кону стоит нечто большее.

Мое сердце.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРАВМИРУЮЩИХ ЭПИЗОДАХ

События книги «Что таится за завесой» разворачиваются в похожем на Средневековье мире, где женщины из мира людей подчиняются своим партнерам-мужчинам. Этот мир – темное и опасное место для женщин, особенно для тех, кто не соответствует общественным стандартам и культуре чистоты и непорочности, определяющей их образ жизни. Поэтому некоторые события в книге могут травмировать чувства определенных читателей.

- Религиозная культура чистоты и непорочности.
- Словесные оскорбления и физическое насилие (НЕ главный герой).
- Упоминания об ухаживании за несовершеннолетними или подчиненными со стороны власть имущих и применении к ним насилия (НЕ главный герой).
- Ритуальное жертвоприношение.
- Суицидальные мысли и идеи.
- Сцены насилия.
- Сцены сексуального характера.

Глоссарий

Альвхейм: мир фейри.

Ведьмы: бессмертные существа, обладающие силами, связанными со стихиями и небесными телами. Существуют ведьмы теней, ведьмы луны, ведьмы природы, ведьмы воды и т. д.

Верховный жрец/жрица: главные жрец и жрица, которые утверждают, что разговаривают с Отцом и Матерью и передают людям их послания.

Винкулум: метка фейри на теле человека, представляет собой чернильный завиток цвета двора фейри, нанесшего ее. Располагается на руке и тянется до плеча или груди.

Дикая Охота: армия фейри-призраков из двора Теней, которым поручено выслеживать и ловить людей с меткой фейри, чтобы доставить их к таким же меченым в Альвхейм. Они также ведут охоту на всех, кого можно считать врагами фейри.

Древние боги: самые могущественные представители расы фейри, известной как сидхе. Чаще всего это потомки Первородных.

Завеса: магическая граница, отделяющая Нотрек, мир людей, от Альвхейма, мира фейри.

Жрец/Жрица: мужчины и женщины, которые стоят во главе храмов и служат Новым богам (Отцу и Матери), исполняя их волю.

Инеберн-Сити: столица мира людей, сверкающий город золота.

Калфолс: Разрушенный город. Его когда-то построили в честь бога Мертвых, который и разгромил его во время войны между фейри и людьми.

Королевская гвардия: армия, которая действует от имени короля Нотрека и следит за тем, чтобы люди в королевстве вели мирную жизнь и подчинялись воле короля.

Мистфел: деревня, расположенная у Завесы, на границе с Альвхеймом. Служит точкой перехода между мирами, когда проход открыт.

Новые боги: Отец и Мать. Люди стали им поклоняться, когда узнали правду о том, что Древние боги на самом деле были не богами, а фейри. Отец и Мать определяют, куда отправится душа после истинной смерти в конце цикла из тринадцати жизней – в Вальхаллу, Фолькванг или Хельхейм.

Нотрек: мир людей.

Первородные: первые существа из всех сотворенных. По своей природе они не имеют человеческого облика, хотя могут принимать его по тем или иным причинам. Они просто олицетворяют то, чем являются.

Сидхе: человекоподобные фейри, которые не принадлежат к первым поколениям и менее могущественны, чем Древние боги. Они обладают магической силой, но гораздо более ограниченной, чем магия их древних собратьев.

Сопrotивление: тайное сообщество, проживающее в катакомбах Полых гор (а также в других местах Нотрека), которое борется против правил королевства и живет как заблагорассудится. Они также противостоят фейри и предлагают защиту меченым (людям с меткой фейри) и другим беглецам, спасающимся от Королевской гвардии или Стражи Тумана.

Стража Тумана: отдельная армия, единственная цель которой – защита Завесы от повреждения и борьба с фейри, если Завеса падет.

Иерархия богов и фейри

ПЕРВОРОДНЫЕ

- Хаос: первородное существо Пустоты, существовавшее до сотворения.
- Ильта: первородное существо ночи.
- Эдрус: первородное существо тьмы.
- Зейн: первородное существо неба.
- Диэльль: первородное существо дня.
- Убель: первородное существо, ответственное за тюрьму в Тартаре – бездне.
- Брин: первородное существо природы.
- Ошун: первородное существо моря.
- Гервин: первородное существо любви.
- Эрвина: первородное существо морских тварей.
- Темпест: первородное существо бурь.
- Пери: первородное существо гор.
- Сауда: первородное существо ядов.
- Анке: первородное существо принуждения.
- Марат: первородное существо света.
- Эйлам: первородное существо времени.

Мойры: первородные существа судьбы.

Ахимот: первородное существо обреченности.

ОСНОВНЫЕ ДРЕВНИЕ БОГИ:

Адерин: богиня Урожая и королева двора Осени.

Аластор: король двора Зимы и муж Твайлы до ее смерти.

Джонаб: бог Смены Времен Года. Убит во время первой войны фейри.

Калдрис: бог Мертвых.

Кало: бог Зверей и король двора Осени.

Маб: королева двора Теней. Известна в основном как королева Воздуха и Тьмы. Сестра Рейгана.

Рейган: бог Солнца и король двора Лета. Законный король двора Благих.

Сефтис: бог Преисподней и король двора Теней.

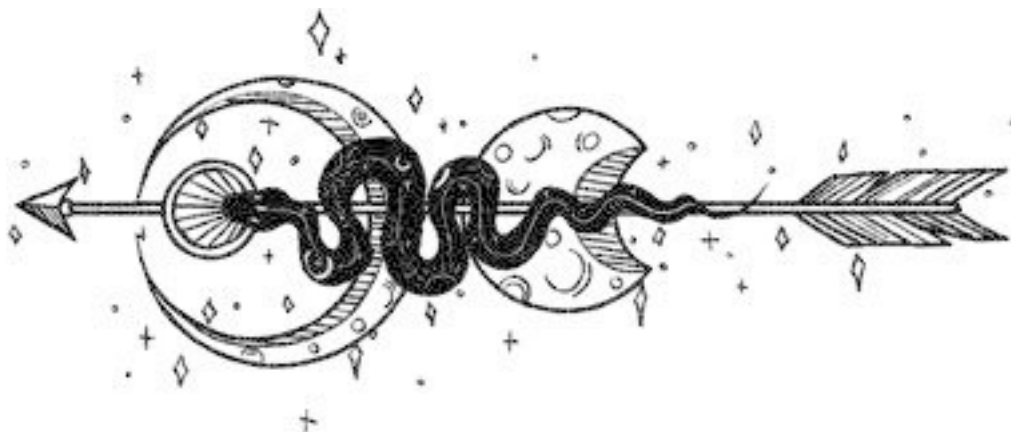
Твайла: богиня Луны и королева двора Зимы. Законная королева двора Неблагих.

Тиам: бог Юности и король двора Весны.

Шена: богиня Флоры и королева двора Весны.

Дикая охота сидхе

1

Ледяной ветер с севера с воем трепал ветви деревьев в садах у самой границы и рвался к мерцающей Завесе, что отделяла наш мир от мира фейри. Дрожа и колыхаясь на ветру, тонкий белый барьер простирался вдаль, насколько хватало глаз, и исчезал, растворяясь в сверкающих лучах осеннего солнца.

Ноющими от холода пальцами я убрала с лица выбившиеся пряди волос и почувствовала, как стекает по коже кровь. Стараясь не обращать внимания на вязкую сползающую от виска каплю, я снова протянула трясущуюся руку к кусту с усыпанными шипами ветками, на которых висели крупные темно-лиловые ягоды. Сорвав одну, круглую, с голубоватым отливом, и осторожно вызволив руку из колючего плена, я положила ягоду в корзину, висевшую на другой руке. Спина у меня нещадно ныла, потому что сборщики работали практически в одном и том же положении – кланяясь ягодам – изо дня в день, в течение нескольких недель. Осторожно перемещаясь, чтобы облегчить тянущую боль, я осматривала ветки в поисках плодов характерной окраски, достаточно крупных, чтобы занять целиком мою ладонь.

– Шевелись, Барлоу! – рявкнул на меня один из членов Королевской гвардии, надзиравший за сбором урожая, во время очередного обхода.

При сборе плодов, росших в Королевских садах, осторожность никогда не была лишней. Урожай лорд Байрон отправлял в столицу, Инеберн-Сити, чтобы Двор оставался сытым в суровые зимние месяцы. На нас же – тех, кто жил в Мистфеле круглый год, – всем было наплевать. Мы могли сколько угодно страдать от холода и голода, питаясь только тем, что росло на наших мизерных наделах.

Я вздрогнула, ожидая удара хлыста от гвардейца, и, сморщившись, сунула руку в куст. Впившиеся в нее шипы раздирали кожу на подушечках пальцев, пока я, наконец, не сомкнула их вокруг мягкой плоти ягоды.

Сорвав ягоду и осторожно уложив ее в корзину, я скривилась: светло-фиолетовый плод покрывали рубиновые – цвета моей крови – пятна. Лорд Байрон заставит меня вымыть ягоды, затем усадит к себе на колени и начнет кормить. И я должна буду благодарить его за внимание, которым он меня одаривает, и за плоды, которые в противном случае мне никто не позволил бы даже попробовать.

Тонкие белые шрамы, петлявшие на моей руке, сияли, как паутина Арахны, когда на нее падал солнечный свет. Они казались слишком бледными на фоне моей кожи – бронзовой от нескольких лет работы под солнцем. Однажды я вызвала недовольство лорда Байрона, и

вот теперь, уже много лет, собирала урожай и обрабатывала лиловые ягоды. В течение многих месяцев я рвала плоды, считавшиеся деликатесом из-за боли, которую растение причиняло тем, кто пытался их сорвать. Последний день сбора урожая в конце года всегда был самым трудным, но в то же время и самым важным для обеспечения процветания Двора, и потому нас тянуло к Завесе, как мотыльков тянет к огню.

Мы работали под надзором Королевской гвардии, которая несла в саду службу в тандеме с группой элитной Стражи Тумана, охранявшей Завесу. И у таких людей, как мы с братом, другого выбора не было. Мы напряженно работали каждый день, много часов, которые тянулись ужасно медленно, и почти не разговаривали, опасаясь навлечь на себя гнев гвардейцев, которые стремились вернуться ко Двору до первых заморозков. Они очень торопились покинуть деревню Мистфел, спешили уйти как можно дальше от магической границы, отделявшей нас от *них*.

От фейри Альвхейма.

И нельзя было винить их за это. Все, у кого имелась хоть капля здравого смысла, боялись находиться так близко к Завесе и ко всему, что она собой представляла. Созданная из магии древних ведьм, которые принесли величайшую жертву, чтобы защитить нас от кошмаров того света, она походила на тончайшую ткань, развевающуюся на ветру, мерцающую светом заключенных в ней тысячи звезд. Она казалась прозрачной, но была непроницаемой, а туман, сотканный из воды за ее пределами, создавал иллюзию одиночества в этом мире.

Даже если мы были совсем не одиноки. Даже если мы никогда одиночества и не знали.

Несмотря на наш страх перед Завесой и скрывающимися за ней фейри, их часть земли влекла нас – магией Первородной природы, проникающей сквозь саму почву. Именно это и заставляло некоторых жить в этой деревне – адской дыре, где более полугода идет снег и зима погружает мир во тьму, которая кажется бесконечной тем, кто жаждет солнечного света.

Самые богатые урожаи в деревне Мистфел собирали в садах, которые располагались ближе всего к Завесе. Ягоды там выросли размером с мою ладонь, а овощи – такими крупными, что одним можно было накормить целую семью. Вот почему мы осмеливались жить рядом с Завесой и проклятой магией фейри.

Здесь была самая плодородная почва в стране. Жизнь самого Альвхейма проникала сквозь землю под Завесой, потоком вливаясь в нашу жизнь, и дарила миру людей щедрые, ни с чем не сравнимые урожаи. Мы неустанно благодарили Первородную природу из Альвхейма, потому что она взяла почву и воду и, вдохнув жизнь в получившуюся глиняную форму, создала первых людей. Она защищала нас от фейри, но в итоге даже она, по слухам, обращалась с нами как с неразумными питомцами.

Завеса содрогалась и как будто ворчала, сквозь нее проносились грозы с громами и молниями, часто без видимых причин, словно сама магия была соткана из бурь. Но все-таки не из неба черпала силы завеса, а из чистой, непредсказуемой, дикой магии. Внутри вспыхивали осколки света, заставляя барьер мерцать закручивающимися спиралями лунного сияния, и ничего красивее этих вспышек я в своей жизни не видела.

Люди, которых заставляли работать в Королевском саду, были беднейшими жителями Мистфела и соседних деревень: расходный материал для лорда Байрона. Ему требовались рабочие руки, чтобы поставлять королю его любимые плоды на зиму, но это не означало, что он не имел права оказывать кому-либо покровительство или выделять любимчиков среди тех, кто исполнял его поручения.

И поэтому нам с братом приходилось собирать лиловые ягоды в глубине сада. Кусты росли довольно далеко от Завесы и укоренившейся там магии, но зато рядом с поместьем Мистфел. Таким образом, лорд приграничной деревни мог наблюдать за мной с балкона своей библиотеки, когда пожелает. Наша семья была одной из самых бедных. Таких, как мы, обычно отправляли работать у самой Завесы, в страданиях от всепроникающей магии, которая пыта-

лась достать нас через барьер. Наша мать должна была бы заниматься этим каторжным трудом вместе с нами. И никого не волновало, что она осталась почти калеккой после тяжелой беременности и моего рождения и что сама работа могла очень быстро убить ее.

Долг есть долг, даже если ты почти мертв.

Однако ей повезло. Она работала в самом поместье, помогая консервировать продукты, которые нельзя хранить долго. Но за это везение следовало платить.

Я тяжело сглотнула. Платить приходилось мне. Немного позже, ночью. Ночью мягкие, ухоженные руки лорда Байрона будут кормить меня лиловыми ягодами и другими деликатесами, а его затвердевший член будет прижиматься ко мне.

Он не мог лишить меня девственности – не с нашими законами и требованием богов сохранять непорочность до брака. Иначе вечным страданиям предадут не только меня, но и его самого. Но это не значило, что он не мог прикоснуться ко мне, не мог причинять боль.

Пока я боролась с дрожью во всем теле от этих мыслей, страж оставил наконец в покое меня, двинулся дальше и принялся тиранить другого сборщика. Я с облегчением вздохнула, немного утешившись тем, что меня не выпороли за медлительность. В последний день сбора урожая все мы были смертельно уставшими, истощенными, готовыми свалиться чуть не замертво и проспать целую неделю. Мы с нетерпением ждали конца дня, который все никак не наступал.

– Бран, – прошипела я себе под нос, обращаясь к брату, когда тот сунул в карманы две лиловые ягоды.

Ему повезло, что карманы до сих пор не порвались, потому что он постоянно воровал плоды из Королевского сада, рискуя своей рукой. Только ради того, чтобы вкусить немного той роскоши, попробовать которую иначе он не мог бы и мечтать.

– Однажды тебя поймают.

– Расслабься, сестренка, – сказал Бран с приглушенным смешком, казалось, совершенно не обращая внимания на бдительные глаза стражей Тумана, когда те прохаживались по дорожкам в саду. – Все так торопятся закончить сбор урожая, что никто и не заметит двух пропавших ягодок.

– И все же это не помешает им лишить тебя руки, если тебя поймают на воровстве, – огрызнулась я, раздраженная его безрассудством.

Он осуждал меня за склонность к полуночным прогулкам в лесу, но рисковал всем ради того, чтобы пару раз укусить запретный плод. Он мог лишиться не только руки, но и благосклонности, которую я зарабатывала для него все эти годы, терпя прихоти лорда Байрона. Благосклонности, которая дорого обходилась лично мне.

Какой бы ужасной ни казалась цена, которую меня вынуждали платить, какой бы невообразимой она ни представлялась мне по ночам, когда тело сочилось потом и я не могла уснуть от страха перед воспоминаниями, что могли преследовать меня в кошмарах, работа у границы с Завесой была куда более грозной перспективой. До меня доходили слухи о растениях, которые росли непосредственно перед мерцающей Завесой, – что они могут с легкостью поглотить тебя, как будто ты и есть они. Если человеку вдруг удавалось выжить после этого, он страдал от спровоцированной магией болезни, которая высасывала молодость из человека и превращала его в скелет – кости и кожу.

– Прекрасно. Значит, мне не придется делиться с тобой позже, да? – спросил Бран с самодовольной ухмылкой, прекрасно зная, что именно лиловые ягоды я когда-то считала своим любимым лакомством.

Когда была маленькой девочкой.

В самые первые дни после смерти моего отца лорд Байрон вызывал меня в свою библиотеку, чтобы жрица обучала меня частным порядком, и угощал меня лиловыми ягодами. Мне

ужасно нравился этот намек на роскошь. И если бы не дурные намерения лорда Мистфела, которые испортили сладость, превратив в кислятину, то я бы до сих пор любила эти плоды.

Глаза Брана потемнели, когда он увидел, как я, сунув руку между ветвей и взявшись за очередную ягоду, побледнела. В кожу на тыльной стороне ладони вонзился шип. Я дернулась, зашипев от боли, но он, отвалившись от ветки, только глубже погрузился в мою плоть.

Медленно я вытащила руку из куста, стараясь не уронить зажатую в пальцах ягоду, и отогнала от себя воспоминание: лорд Байрон, вода по моей коже губами, шепчет обещания о жизни, которая могла бы быть у меня, если бы только я была терпеливой. Если бы я могла закрыть глаза на некоторые детали, которые делали отношения между нами одновременно невозможными и отвратительными.

Например, на его жену, его возраст (он был в два раза старше меня) и на тот факт, что он заставил меня смотреть, как Верховный жрец перерезает горло моему отцу и приносит его жизнь в жертву Завесе.

Такие вот мелкие детали.

Со всей осторожностью положив ягоду в корзину и поставив ту на землю, я посмотрела на свою руку и вздрогнула. Шип, вонзившийся в кожу, проник глубже, чем я надеялась. Я растопырила пальцы, и плоть вокруг шипа шевельнулась, а когда я неуверенно прикоснулась пальцем к ране, из-под него хлынула кровь, окрашивая кожу красным.

– Вы должны работать более аккуратно, леди Эстрелла, – произнес мужской голос у меня за спиной.

Я застыла на месте, сердце замерло от страха, и краем глаза я заметила, как Бран с большим усердием продолжил собирать лиловые ягоды. Медленно повернувшись и уважительно опустив взгляд в землю, я присела в реверансе, сжимая грязными, окровавленными руками края поношенного серо-зеленого платья.

– При всем уважении, милорд, мы оба знаем, что я не леди, – сказала я, выпрямляясь во весь рост, но отводя глаза в попытке выказать ему уважение, которого он, по его мнению, заслуживал.

– Терпение, – проворковал он, приблизившись ко мне и взяв мою руку в свою.

Он зажал шип между большим и указательным пальцами и принялся медленно вытягивать его, а мои губы кривились в болезненной гримасе.

Он завороченно смотрел, как оставшаяся после шипа ранка заполняется кровью, и наслаждался видом моих страданий. Он знал, что сегодня вечером сможет заняться моими ранами в уединении своей библиотеки.

– Вы позволите мне позаботиться о вашей ране позже? – спросил он, приподняв бровь.

Возможно, он и сформулировал фразу как вопрос, но на самом деле это было не что иное, как *требование* прийти к нему ночью.

– Прошу прощения, милорд, но должна вам признаться, что сегодня я очень устала, – сказала я.

Он уставился на меня, изучая мое лицо, и, вероятно, круги у меня под глазами заставили его поверить.

– Очень хорошо. Тогда завтра, – сказал он, слегка улыбаясь, и наклонился вперед, чтобы коснуться ртом раны на тыльной стороне моей руки.

Его губы оказались перепачканы моей кровью, когда он отстранился, и лорд, высунув язык, облизал их.

– Завтра, – согласилась я, возненавидев это слово, как только его произнесла.

Мне как никогда хотелось сказать, чтобы он заботился о здоровье своей жены, а не проводил время со мной. Но я промолчала и повернулась к кустам с лиловыми ягодами.

Потому что долг был превыше всего.

2

Блики от закатившегося солнца погасли, сменившись свечением Завесы, из-за которого я не могла заснуть. Сияя в лунном свете, она влекла меня к окну тесной спальни, и я смотрела и смотрела на нее, пока стекло не запотело от моего дыхания. В голове у меня, как всегда, звучали последние слова отца, призывавшего меня вырваться на свободу, в ночь, узнать обо всем том, что ожидало меня за пределами этой жалкой деревушки.

Улетай на свободу, Маленькая птичка.

Я плотнее укуталась в старое драное одеяло, пытаюсь прогнать озноб, но холодный воздух поздней осени упрямо просачивался сквозь щели оконной рамы. После смерти отца много зим назад, в жалкой попытке сохранить тепло самыми суровыми зимними ночами, я заткнула дыры лоскутами ткани от старых платьев, из которых уже выросла.

Осенью я была почти уверена, что этого окажется достаточно. Но как только наступала настоящая зима, я присоединялась к брату на полу перед огнем, а наша мать спала рядом в кресле-каталке, которое лорд Байрон изготовил для нее после принесения нашего отца в жертву.

Моя спальня когда-то служила чуланом. Сейчас в ней практически не было мебели, за исключением моих скудных пожитков и кровати, сделанной руками отца. Пол почти полностью прогнил, и брат латал его каждый раз, когда он проваливался у меня под ногами.

Дотронувшись до прохладного потрескавшегося стекла, я заскользила пальцами по кругу, который вытирала рукавом столько раз за эти годы, что и не сосчитать. Когда дрожащие пальцы наконец коснулись защелки посередине, я оглянулась, чтобы убедиться, что брат не появился в дверном проеме, намереваясь поймать меня, когда я в очередной раз ускользаю на ночную прогулку.

Открыв защелку, я потянула створки, и ветер почти распахнул их настежь. Холодный воздух резко ворвался в спальню, и у меня перехватило дыхание. Я едва успела поймать створки, чтобы они не стукнули и не перебудили немногочисленных обитателей нашего ветхого домишки. Пряди темных волос, выпавшие из косы, сдуло с лица. Я забралась на подоконник и села, свесив ноги. Кожу покалывало, когда лунный свет целовал мои голые руки.

Мне не хотелось проводить эту ночь в заточении, внутри этой полуразвалившейся ловушки, которую трудно было назвать настоящим домом. Только не сегодня, когда с другой стороны подоконника меня призывало к себе ночное небо, а из леса лился свежий аромат сосны, которым я никак не могла надышаться.

Мои бунтарские прогулки по лесу действовали на меня глубоко исцеляюще. Было в них что-то привлекательное – некий протест против строгих запретов, наложенных на меня прогнившим обществом, которое требовало от женщин сохранять чистоту и непорочность для мужей, которых даже еще не выбрали. Приличных мужчин в Мистфеле насчитывалось совсем немного – они были скорее редкостью, чем нормой. Я не смела и надеяться на такой брак, в каком жили мои родители, – полный счастья, любви и тепла.

Сбросив одеяло на пол спальни, я опустила на траву и пошарила руками в поисках своей палки, пока глаза привыкали к темноте. Ощупав пальцами землю, я нашла палку и стряхнула с себя пыль, поднявшуюся с лишенной ухода почвы, на которой отказывались расти даже сорняки.

Когда я поднялась на ноги и закрыла оконные створки, с пальцев посыпались сухие песчинки. Просунув ветку в щель в подоконнике, я повернула ее так, чтобы она зацепилась с другой стороны и удерживала окно закрытым. Вернувшись, я смогу проскользнуть внутрь через окно, чтобы брат не обнаружил, что я опять гуляла.

Наш дом представлял собой старую мазанку. Наружные стены были возведены частично из досок, частично из переплетенных веток и покрыты глиной. Поскольку за домом никто не ухаживал, стены деформировались и потрескались, а дырявая соломенная крыша протекала во время дождей и нуждалась в ремонте.

В доме было всего два стеклянных окна, составленных из осколков, которые отец и брат получили в подарок, когда помогли одной из богатых семей заменить их окна.

Оставив дом позади, я направилась к роще, которая располагалась прямо за нашей деревней. Вдали что-то выло на луну, призывая меня во тьму, где под звездами бродили разные твари, а жители деревни Мистфел опасались за свою жизнь. Но вместо страха, который должен был бы пульсировать в теле, мной владело только одно чувство, которое никогда не посещало меня в дневное время, когда по улицам бродили люди.

Свобода.

Конечно, это была лишь временная иллюзия в моем мире, самообман, притворство, чтобы смягчить гнетущую реальность, ведь я не могла выбирать. На данный момент мою жизнь определяли в первую очередь лорд Мистфел и силы элитной Стражи Тумана, которые отошли от своей первоначальной цели и превратились в извращенную армию, выполнявшую все, что бы ни потребовал лорд. Следующим учитывалось мнение моего брата. В отсутствие отца, которого лорд Байрон и Верховный жрец принесли в жертву Завесе, он диктовал мне, что делать.

Придет время – гораздо раньше, чем мне хотелось бы, – и мою судьбу и мою жизнь будет определять муж, вот тогда-то для меня и начнется настоящий кошмар.

Я подошла к опушке леса, провела рукой по коре первого попавшегося дерева и покружилась вокруг него, не удосужившись оглянуться. Затем нырнула в рощу, и тьма, заключив в тесные объятия, быстро поглотила меня целиком и понесла вперед, взывая к той моей части, которая жаждала ночи, в отличие от тех, кто ее боялся.

Даже звуки, которые издавали маленькие существа, ползающие в подлеске у ног, не заставили меня бежать из леса. Даже холодный воздух, что щипал кожу, оставляя на щеках розоватые пятна, не побудил повернуть назад.

Единственное, что имело значение, – это окружавшая меня тьма и чувство уединения, которым одаривала глубокая ночь. Только она спасала меня от назойливых взглядов людей лорда Байрона, следивших за мной, искавших признаки, не собираюсь ли я выкинуть очередной фортель.

Я ускользала все глубже в лес, стремясь уйти настолько далеко от деревни, насколько хватит смелости. Обычно каменные тролли предпочитали не слишком отдаляться от своих домов. Они предпочитали добычу, которая сама охотно шла к ним в руки, чтобы укрыться от стихии. Но я не хотела испытывать судьбу и бродить вблизи их мест обитания.

Если я попаду в ловушку каменного тролля, свобода, которую я обретаю лишь на мгновение, обратится в жестокую смерть в пасти чудовища в три раза больше меня. Плоть мою разорвут в клочья, а то, что от меня останется, истечет кровью на земле.

Я держалась подальше от тропинок, по которым, без сомнения, будет патрулировать Стража Тумана, и проводила пальцами по деревьям, словно могла запомнить каждое и потом найти дорогу домой. Я и раньше ходила этой дорогой, ориентируясь только по луне и звездам, освещающим мой путь. Много раз – так много, что не сосчитать.

Мое внимание привлекла целая россыпь мерцающих вдали огней, двигавшихся кругами среди деревьев. Остановившись, я оглянулась, стараясь определить, не следят ли за мной, не поджидают ли меня среди деревьев лорд Байрон и его прихвостни из Стражи Тумана, чтобы поймать, как любопытную домашнюю кошку, которая гуляет сама по себе там, где ей не место.

Но за спиной у меня был только лес. Сначала я решила, что пора бы вернуться, но потом передумала и, пригнувшись к земле, стала медленно пробираться вперед, чтобы посмотреть на странные всполохи.

Они напомнили мне об огнях фейри, о которых рассказывали родители, когда я была маленькой. В давние времена, еще до Завесы, эти мерцающие блики завлекали и уводили человеческих детей – их похищали фейри, а взамен похищенных оставляли подмёньшей. В те века фейри свирепствовали над миром людей и забирали себе все, чего желали, заставляя остальных гнить и страдать от последствий их набегов.

Мерцающие огоньки перемещались по поляне и манили к себе. Когда я подошла достаточно близко, то увидела людей, одетых во все белое, и у меня перехватило дыхание.

В центре поляны на своде блестящего бежевого черепа стояла одинокая свеча, а вокруг, тихо бормоча что-то себе под нос, чтобы их никто не услышал, ходили фигуры в белом. Я присела у подножия вечнозеленого дерева, прижалась щекой к шероховатой коре и принялась наблюдать за их ритмичными движениями. Внутри меня любопытство боролось со страхом, заставляя сердце бешено колотиться, и в какой-то момент мне показалось, что незнакомцы могут его услышать.

Люди шли по кругу, тихо напевая, в пределах границ, которые выложили из веток. Внешняя граница была примерно в дюжине шагов от черепа, расположенного в середине и напоминавшего центр мишени.

Время от времени один из незнакомцев поворачивал голову в мою сторону. В руках у них были плотно зажаты свечи, которые они поднимали и опускали. Огоньки плавали вверх и вниз, периодически освещая приоткрытые рты людей. Я не могла отвести глаз от черепа на земле – все остальное сосредоточилось вокруг него. И мне стало интересно, кому же это так не повезло, что его кости используют в каком-то непонятном ритуале.

Я понятия не имела, чему стала свидетелем, однако, без сомнений, это было что угодно, но только не поклонение Отцу и Матери, разрешенное Коронай. Прошли столетия с тех пор, как король Беллхэм Первый освободил нас от Древних богов, которые погрузили наши жизни в пучину греха и разврата, а затем привел к добродетели, которую мы обрели с Новыми богами.

Одна из фигур в мантии остановилась, тело изогнулось в сторону так, что стало понятно: это женщина. Она повернула голову ко мне и посмотрела так многозначительно, что я не сомневалась – меня заметили. Я ожидала от нее враждебности и страха, поскольку поклонение Древним богам было строго запрещено Коронай, но женщина одарила меня доброй улыбкой, вздохнула, склонив голову набок, и ее темная коса упала на одно плечо.

Она вышла из круга, перешагнув через границу, которую они выложили из палок и веток. Когда женщина направилась ко мне, все в кругу остановилось. Меня же словно пригвоздило к земле, хотя самым разумным в моем положении было бы бежать. Прямо сейчас я могла заплатить за свое любопытство – вряд ли эти люди решат оставить меня в живых. Они не стали бы рисковать, ведь я могу сообщить о них Страже Тумана и потом посмотреть, как их сожгут на костре за ересь.

Дыхание у меня сбилось, в легких застрял воздух, который затем вылетел легким облачком изо рта, проплыл перед лицом и рассеялся в ночном воздухе. Женщина шла ко мне, и добрая улыбка не сходила с ее лица. Двигалась незнакомка медленно, будто приближалась к испуганному животному. Когда она подошла совсем близко, я уже не сомневалась, что она жила не в Мистфеле, а оглядевшись, поняла: и ее спутники, с чистыми волосами и кожей, в хорошей одежде, тоже. Откуда бы ни пришли, они точно были чужаками и просто не могли жить в мрачной деревушке, которую я называла домом.

– Здесь ты в безопасности, – произнесла наконец женщина, и эти слова повисли в воздухе между нами.

Она переложила свечу в одну руку, а другую протянула ко мне, будто приглашая к себе.

– Боги приветствуют всех, кто хочет знать о них и их обычаях.

– Отец и Мать никогда бы не допустили этого, – сказала я, качая головой и глядя на руку.

Было в этом жесте что-то такое, что звало меня, тянуло вперед. Почувствовав, как кончики пальцев незнакомки коснулись моих, я поняла, что двигалась не она, а я.

Щеку обожгло в том месте, где холодный воздух коснулся кожи, оцарапанной о кору дерева. А левой рукой я цеплялась за грубые ветви, неумолимо удаляясь от иллюзии безопасности, которую они давали.

– Я говорю не о тех богах, которым поклоняются в храмах, на коленях моля о помиловании существо, которое обещает спасение только тому, кто послушно исполняет все приказы.

В ее голосе звучала какая-то задумчивость и грусть, будто ей было больно, что я ничего не знаю об альтернативах той вере, которую мне пихали в глотку всю жизнь, сколько я себя помню.

– Поклонение Древним богам нарушает закон. Если вас поймают...

Я замолчала, когда она пронизательно, без всякого страха взглянула на меня.

– Мы знаем, каковы будут последствия, если нас обнаружат, но все равно предпочитаем поклоняться им. Есть вера, которая важнее жизни, – ответила незнакомка, скользя своей рукой по моей, пока не ухватила меня покрепче.

Она осторожно потянула меня, отрывая от дерева – моего убежища – и увлекая к кругу в центре поляны.

– По крайней мере, уйдите подальше от Мистфела. Поблизости ходят патрули стражников, – сказала я, поморщившись от улыбки, которой женщина меня снова одарила.

– И все же ты здесь, хоть и рискуешь быть наказанной за то, что ушла среди ночи. Думаю, ты понимаешь, в отличие от большинства, почему мы здесь, почему должны пренебречь опасностью. Ведь это прекрасно – знать, кто ты есть, и принимать это, несмотря на возможные последствия. Мы приходим сюда, чтобы быть ближе к богам, чтобы чувствовать энергию, исходящую от самой Завесы, – сказала незнакомка, кивнув в сторону границы, отделявшей Нотрек от Альвхейма.

Завеса колыхалась, танцуя в воздухе, пока мы смотрели сквозь просветы между деревьями на мерцающее сияние, что постоянно манило меня, несмотря на таившиеся в нем угрозы.

Ходили слухи, что те, кто прикасался к магии самой Завесы, отдавали ей жизнь, питали поддерживающую ее силу. Нарушать целостность единственного барьера, который защищал нас от фейри Альвхейма, было запрещено. Это считалось самым страшным преступлением против человечества. Но в интересах сохранения Завесы и ее подпитки Верховный жрец каждый год выбирал одного человека, чтобы принести его в жертву на границе у барьера. В благодарность за еще один безопасный год, в последний день сбора осеннего урожая, он поливал кровью землю.

Так они поступили с моим отцом.

– Это неправильно, – сказала я, остановившись у выложенного на земле круга из ветвей и палок.

Я не могла заставить себя уйти, но и ступить в круг, где происходило поклонение, казалось неправильным. Это походило на предательство всего, что вбивали в меня на протяжении жизни, всех добродетелей, которые должны были иметь для меня значение, но никогда особенно не привлекали. И не шло ни в какое сравнение с наблюдением из любопытства за неким ритуалом незнакомцев, на которых я случайно наткнулась в лесу. Если я перешагну эту черту, то стану активным участником действия, которого не понимаю.

– Тебе не следует судить о том, чего ты никогда не пробовала, – сказала женщина, перешагивая через границу и пристально глядя на меня.

Мы все еще держали руки сцепленными, и пока она ждала, наши переплетенные пальцы парили над границей круга.

– И неважно, во что ты веришь сейчас. Нет ничего плохого в том, чтобы попробовать другую веру, которая отличается от вашей. Ты можешь исследовать другие религии без обращения в них. Если к утру ты все еще будешь считать нас язычниками, просто расскажешь Страже Тумана обо всем, что видела, и получишь отпущение греха.

Глубоко вдохнув, я подняла ногу и шагнула в круг, больше не в силах игнорировать притяжение.

У меня возникло чувство, будто я нырнула в воду: все, что находилось за пределами поляны, казалось, исчезло. Женщина подхватила с земли свечу, зажгла ее от своей и протянула мне. В кругу нас терпеливо ждали десять-двенадцать человек. Они расступились, освобождая место для меня.

– Кем он был? – спросила я, разглядывая череп, лежавший на земле в центре.

– Это Джонаб, – ответила женщина. – При жизни он был богом Смены Времен Года. Его убили во время первой войны фейри между дворами Благих и Неблагих, когда Маб сражалась против своего брата Рейгана.

– А откуда у вас его череп? Даже представить не могу, как давно случилась первая война фейри.

– Мы свято храним все наши традиции. Передаем их из поколения в поколение. И этот череп тоже хранили и передавали, – сказала женщина, наконец повернувшись ко мне спиной и начав двигаться вперед, увлекая меня за собой.

Человеческие фигуры, стоявшие на расстоянии шага или двух друг от друга, тоже начали двигаться вокруг черепа, прямо внутри выложенной палками границы. Остальные последовали за мной по протоптанной дорожке, имитирующей круг.

Я сглотнула, поднимая и опуская свечу в руках, как это делали остальные, повторяя движения, о назначении которых не имела понятия, но не могла не повторять. Если уж мне придется страдать целую вечность за участие в запретном ритуале, то надо идти до конца. Я осознавала, что не согласна с верой в Новых богов и что мне чего-то не хватает в их обещаниях.

Минуты постепенно превратились в часы хождения по кругу. Ноги у меня устали задолго до того, как мы остановились. С губ срывались тихие песнопения в унисон с другими участниками ритуала, и я погрузилась в состояние, похожее на сон. Ночное небо над головой слегка изменилось, и только по этому я понимала, сколько прошло времени. Но слова, которые мы произносили... казалось, они были написаны в моей душе, каким-то образом они стали частью меня, но как... этого я не могла постичь.

От смерти к рождению.

От зимы к весне.

Время течет,

И жизнь возрождается

Из пепла и пыли.

Когда все наконец остановились, женщина, за которой я шла, развернулась, поклонилась и вытащила из кармана мантии камень. Она положила его на землю, и остальные последовали ее примеру, образовав еще один круг – из камней. Поставив свечу на камень, женщина полезла в другой карман и протянула камень мне, чтобы я сделала то же самое.

– Если свеча ночью упадет, это значит, что человек не переживет зиму, – сказала незнакомка.

Ее слова заставили меня замереть, и я постаралась прочнее закрепить свою свечу на камне. Я не знала, во что больше верила: в удачу, в пророчество или в Древних богов, но мне хотелось сделать все возможное, чтобы не испытывать судьбу.

Женщина, наблюдавшая, как я вожусь со свечой, тихо усмехнулась. Закончив, я выпрямилась и последовала за группой. Участники ритуала переступили через ветки и палки, образовавшие внешний круг, собрались на краю поляны и, улыбаясь, сели на землю.

– Вы делаете это регулярно? – спросила я, занимая место рядом с женщиной без возраста, пригласившей меня присоединиться.

– Раз в год, – сказала та, грациозно усаживаясь. – Только на Самайн. День, когда мы приветствуем долгую зиму.

– Праздник в честь окончания сбора урожая наступит лишь через два дня, – ответила я, глядя вдаль на небо.

Всего через два дня нам придется смотреть, как Верховный жрец перережет горло очередной выбранной им жертве. Всего через два дня я останусь без работы, потому что наступит зима, и придется искать подработку в деревне, чтобы помочь семье прокормиться.

– Если верить лорду Мистфелу, – сказал один из мужчин, – те, кто поклоняется Новым богам, ненавидят все, что связано с фейри. Вот из-за этой ненависти много веков назад и сдвинули праздник. Но все они не хуже других знают, что окончание сбора урожая праздновать следовало именно сегодня.

– А как можно по-другому относиться к фейри? После всего, что они делали на протяжении истории? – Я была настроена скептически.

– Нужно всегда помнить, что историю пишет победитель. Возможно, мы проиграли войну, но фейри уже несколько столетий не ступали на наши земли. Не осталось почти никого, кто жил в то время. Лишь кучка людей, сражавшихся против них. Они же и рассказывают истории. А если бы здесь остались фейри, как думаешь, что рассказали бы они о нас и нашей роли в войне? Если бы они могли поделиться своей точкой зрения, сомневаюсь, что это было бы только черное и белое, – сказала другая женщина.

Она порылась в своей сумке, вытащила что-то, завернутое в салфетку, положила на землю и развернула. На салфетке лежал пирог, который она разрешила на кусочки.

– Думаю, Адельфия должна кое-что рассказать тебе, прежде чем ты съешь кусок. Я видела, как долго ты устанавливала свечу, и мне кажется, тебе будет полезно ее послушать, – сказала моя новая собеседница, взглянув на женщину, которая втянула меня в круг.

Адельфия.

– Это пирог с начинкой, – усмехнувшись, пояснила та. – В нем запечены разные предметы. По традиции, ты выбираешь кусок, откусываешь и находишь вещь, символизирующую то, что с тобой произойдет в период до следующего Самайна.

Один из мужчин, сидевших ближе всех к пирогу, наклонился вперед и взял кусок. Откусив, он задумчиво прожевал его и выплюнул себе на ладонь вырезанного вручную крошечного младенца.

– Черт возьми. Как раз то, что мне нужно. Еще один рот, который придется кормить.

– Тогда держи член в штанах, – сказал ему другой мужчина, хлопнув его по спине.

Я вздрогнула и напряглась от грубых слов. Нечасто мужчины так свободно разговаривали в компании женщин, которых надлежало считать благочестивыми и добродетельными. Я знала, что такое член, и даже видела один, и даже испробовала его на себе глубокой ночью, когда недреманные очи все же задремали.

Если не считать лорда Байрона и его побед в уединенной тиши библиотеки, никто и никогда не говорил при мне о члене. Разве что моя наставница просветила меня на частных уроках, так что я знала, чего ожидать в первую брачную ночь. Только она не подозревала, насколько запоздал и насколько бесполезен был для меня тот урок.

Следующий кусок взяла Адельфия, и остальные последовали ее примеру. Не задумываясь о логике своих поступков, я тоже наклонилась и подхватила кусок пирога с салфетки.

Адельфия, сидевшая рядом со мной, опять усмехнулась. В ее куске ничего не нашлось – никаких предзнаменований на будущее. Она стряхнула крошки и вытерла руки о траву.

Откусив первый кусочек, я начала жевать, ощущая ваниль и корицу на языке. Во рту не оказалось ничего постороннего – просто сладкий пирог. Продолжая жевать, я смотрела, как остальные вокруг меня едят свои куски.

Откусив второй кусочек, я почувствовала, как зуб наткнулся на что-то твердое. Я поднесла руку ко рту, чтобы вытащить попавшийся мне предмет. Это оказалось кольцо, мерцавшее бронзой на моей ладони. Знак того, что скоро на меня наденут «кандалы» брака, в которых я проведу всю оставшуюся жизнь.

Избежать брака в Королевстве Нотрек можно было двумя способами – умереть или стать проституткой – ночной бабочкой. На ладони у меня лежал четкий символ предстоящего замужества, и я чувствовала, как на шее затягивается петля, чувствовала, как задыхаюсь в преддверии неминуемой смерти.

– Скоро будешь принимать поздравления, правильно я понимаю? – неуверенно спросила Адельфия.

На моем лице не отражалось ни капли радости от перспективы предстоящей свадьбы. И не имело значения, что я не знала, кто будет моим мужем.

В конце концов, все мужчины были почти одинаковыми. Каждый искал теплую ямку, чтобы засунуть туда свой член и посеять семя в качестве награды.

– Похоже на то, – ответила я, пытаясь улыбнуться и стряхнуть с себя страх, растекавшийся по телу.

Я никогда не верила гадалкам, которые каждую неделю работали на рынке, предсказывая, на какой из тринадцати жизней человек окажется в цикле перевоплощений, до истинной смерти. И никогда не придавала значения заклинаниям, с помощью которых человек мог бы исполнить свои желания, если бы говорил правильные слова, стоя в правильном положении.

Я не верила в пророчества только потому, что они предсказывали те события, которые, я точно знала, и так рано или поздно наступят.

За нашими спинами что-то тихо стукнуло, и вся группа замерла, глядя через мое плечо на круг. Медленно повернувшись, я проследила за их взглядами и увидела, что какая-то свеча, как будто сбита невидимой силой, упала с камня и погасла, коснувшись травы.

Я тяжело сглотнула, одновременно пытаюсь определить, чья это была свеча. Потом повернулась к группе. Дыхание у меня сбилось. Все молча наблюдали, как я поднимаюсь на ноги, и эта полная тишина красноречиво говорила об их вере в традиции Самайна и в ясновидение, которое они несли в себе.

– Мне пора домой, – сказала я, глядя на солнце, только что выглянувшее из-за крон деревьев.

Адельфия кивнула, даже не потрудившись возразить мне. Говорить было не о чем. Единственная упавшая свеча оказалась моей.

3

– Ты такая молчаливая сегодня, – тихо заметил Бран, толкнув меня плечом, когда мы утром шли по тропинке к центру деревни.

Вечнозеленые деревья и дубы выстроились по обеим сторонам дороги, как стража. Я никак не могла заставить себя пройти мимо виселицы, не хотела смотреть, что осталось от тела человека, которого недавно повесили в наказание за преступления против лорда Байрона. Поэтому нам пришлось идти длинной дорогой, в отличие от других жителей деревни, которых, казалось, не беспокоила вся эта жуть.

– Так и не успокоилась после ночной прогулки в лесу?

Я взглянула в сторону Брана и улыбнулась против воли, увидев, как раздраженно он усмехается. Его светлые волосы были коротко подстрижены, а кожа отливала бронзой из-за ежедневной работы под палящим солнцем во время сбора урожая. Карие глаза, в которых обычно скакали чертики, тяжело уставились прямо на меня, будто он хотел только одного – наказать сестру за то, что та продолжает рисковать своей репутацией.

Бран уже давно отказался от попыток обуздать меня, понимая, что если уж «уроки» лорда Байрона и жрицы не превратили меня в послушную женщину, то вряд ли он сможет что-то изменить, ведь *он* не хотел причинять мне боль.

То, что Бран до сих пор не забил мое окно гвоздями, можно было считать чудом. Ведь он постоянно ловил меня, когда я тайком выходила или возвращалась. Когда я вернулась домой сегодня утром, брат ждал меня в моей комнате. Все еще пребывая в трансе после ритуала, я влезла в окно, когда позади меня уже всходило солнце.

– Интересная выдалась ночь, – сказала я, но не стала описывать ему круг и людей, которых встретила.

Хоть я и не думала, что брат примется осуждать других за то, что они исповедуют веру, отличную от нашей, но и представить, будто он станет спокойно смотреть, как я подвергаю себя риску оказаться на виселице из простого любопытства, тоже не могла. Особенно теперь, когда накануне вечером ритуал предсказал мне, что до следующего Самайна я не доживу.

– Ты должна перестать бродить неизвестно где по ночам, Эстрелла, – ворчливо произнесла мать, повернувшись, чтобы посмотреть на меня через плечо.

Бран, крепко сцепившись пальцами в деревянные ручки, толкал перед собой ее кресло на колесах.

– Что подумают мужчины в деревне, если вдруг увидят тебя? Ни один не захочет жениться на женщине, если у него есть причины полагать, что она не девственна.

– Вряд ли этот довод заставит ее сидеть взаперти. Мы оба знаем, что Эстрелле не очень-то нравится идея замужества, – со смехом сказал Бран, заставив мать тоже фыркнуть и усмехнуться.

Она не особенно поддерживала мою ненависть к браку и к тому, что с женщинами у нас обращались ничуть не лучше, чем с племенными кобылами, но и не осуждала меня за это. Хотя, подозреваю, так поступило бы большинство.

За это я любила маму еще сильнее. Если бы не ее терпимость к тому, как я себя вела в уединении нашего дома, вряд ли бы мне удалось пережить последние два года. С тех пор как я достигла совершеннолетия, меня постоянно осматривали и ощупывали в храме, поворачивали мое лицо из стороны в сторону и без конца изучали. Жрицы Матери диктовали мне, как я должна себя вести и блюсти, и стремились обучить меня всему, чтобы я в один далеко не прекрасный день стала добропорядочной и послушной женой.

Еженедельного обряда в храме я боялась каждой клеточкой тела. Он нес в себе угрозу и не давал покоя по ночам, лишая меня сна. В такие ночи я блуждала по лесу дольше обычного и представляла перед жрицами с темными кругами под глазами, что им, конечно, не нравилось.

Мы пришли в западную часть деревни, и перед нами замаячило большое каменное сооружение, от одного вида которого меня замутило. На крыше стояла башня, внутри которой, на самом верху, имелось единственное помещение, которое и считалось храмом, куда уходил Верховный жрец, чтобы обратиться к Отцу. А в остальном это было обычное крепко построенное квадратное здание, и ничто в нем не привлекало взгляда. Оно служило цели, и этой целью считалась не жизнь в изобилии, а жизнь в воздержании.

Если ритуал прошлой ночи показался мне чинным и степенным, то все, что было связано с домом жрецов и жриц, виделось непристойным.

Мы встали в очередь вместе с пришедшими в храм односельчанами, которые радостно перешептывались между собой. Они в самом деле не замечали причин, по которым я его ненавидела.

– Миссис Барлоу, – поприветствовал лорд Байрон мою мать, остановившись рядом с нами, когда мы подвозили ее к дверям.

Мама улыбнулась в ответ человеку, который из собственного кармана заплатил за ее кресло и предоставил такие условия для работы, о которых мы и мечтать не смели.

Раньше я часто ходила в храм и молилась. Молилась о том, чтобы она никогда не узнала, как мне приходится платить за все это в тиши его библиотеки. Чтобы она никогда не узнала истинную цену его доброты.

– Милорд, – сказала моя мать, принимая предложенную им руку и послушно касаясь губами его кольца.

Бран уважительно склонил голову, когда лорд Байрон, бросив косой взгляд на меня, присевшую в хорошо отработанном реверансе, переключил внимание на него.

Я до сих пор ощущала на теле удары трости своей наставницы, что доставались мне, когда я неправильно держала осанку. Даже годы спустя я помнила, как лорд Байрон смотрел на мое искажающееся от боли в момент удара лицо. Я уже давно выучила, как надо двигаться.

Низко склонив голову, я ждала, когда его рука появится передо мной, зная, что он ни за что не упустит возможности заставить меня поцеловать его кольцо и напомнить о власти, которую имел надо всем и всеми.

Я осторожно взяла его руку в свою и наклонилась, чтобы коснуться губами кольца. И я считала.

Один.

Я хочу выпотрошить тебя, пока ты спишь.

Два.

Ты – худший из людей.

Три.

Краем глаза я видела, как величественная леди Жаклин пристально смотрит на меня, распознавая в этой сцене то, чем она и являлась: один из способов флирта ее мужа. Однажды она сама меня уььет.

Я плавно отпустила руку, и та вернулась туда, где ей и следовало быть. А сама я, стоя в унижительном поклоне перед ним, ждала команды, чтобы положить конец мучениям. Мимо нас проходили жители деревни, а я все стояла и стояла. Обычно поклон длился лишь несколько мгновений в знак уважения. Но не для меня. Меня лорд Байрон заставлял демонстрировать выносливость.

Мое тело не дрогнуло, даже когда мышцы уже устали. Дрогнуть означало разочаровать моего господина, а разочаровать его означало подвергнуться страданиям.

– Эстрелла, – наконец произнес он, освобождая меня от боли, пожиравшей тело.

Я медленно выпрямилась, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, чтобы не показать ему, чего мне это стоило.

– Милорд, – наклонив голову так, как ему нравилось, тихо проговорила я, глядя на него сквозь ресницы.

Пришлось прикусить щеку, чтобы не выплюнуть слова, которые рвались из горла. Слова, которые хотелось выкрикнуть ему в лицо, чтобы ранить его так же сильно, как он ранил меня.

– Леди Жаклин, – произнесла я, приветствуя хрупкую женщину, стоявшую рядом с ним.

В ответ она хмуро взглянула на меня, и от нее повеяло холодом. Руки она мне не протянула, как того требовали наши обычаи, поскольку считала меня настолько низкой, что ей не хотелось запятнать себя прикосновением ко мне.

Это служило неммым посланием всем, кто наблюдал за нашим взаимодействием, проходя мимо. Хоть я и была той, с кем ее муж все чаще и чаще предпочитал проводить вечера, вообще отказываясь делить с ней постель по мере ухудшения ее здоровья, но при этом не стоила ничего в ее глазах – даже земля под ее усыпанными драгоценностями шелковыми туфлями ценилась больше.

– Мужа так и нет, я смотрю? – спросила она сквозь зубы, задумчиво заглядывая мне за плечо в поисках мужчины, которого, как она прекрасно знала, не существовало.

– Нет, миледи, – слегка качнула я головой.

Шли месяцы, но официально пока никто не попросил моей руки, и это сильно било по и без того низкому статусу моей семьи. Что хорошего в дочери, которую не получается удачно выдать замуж?

– Возможно, скоро будет, – сказал лорд Байрон, подавая руку чахнувшей жене.

Она прислонилась к нему всем телом, изо всех сил пытаясь удержаться на ногах. С каждым днем ей становилось все хуже. Дня не проходило, чтобы жители деревни не шептались о том, какая же болезнь точит ее столько лет и кто заменит ее, когда она наконец скончается.

Байрон был лордом без наследника, и женщины Мистфела вставали в зазывающие позы, надеясь на скорую смерть его жены. По той же самой причине многие из них едва выносили меня.

Мне он благоволил, даже если я этого не хотела.

Лорд и леди проследовали в храм, оставив меня загонять свой страх как можно глубже, чтобы никто его не заметил. Много лет он неоднократно повторял эти лишённые определенности слова, но пока жена жива, сделать он ничего не мог.

Лорду разрешалось иметь любовниц, если они уже потеряли девственность и, следовательно, их не могли выдать замуж за других женихов. Моя последняя проверка на девственность должна была обречь меня на жизнь любовницы или ночной бабочки, но доктор счел меня непорочной. Я знала – это ложь, и подозревала, что и он тоже знал. Только я не представляла, почему он скрыл мою тайну, почему защитил от суровых последствий того, чем я занималась по ночам, когда мое тело, казалось, оживало и гудело от энергии, которую я не могла сдерживать. Может, он защищал сына своего друга, единственного юношу, которому я безмерно доверяла и с которым вступила в близкие отношения, хотя лорд Байрон только бы выиграл от того, что я потеряла девственность. А может, доктор действовал из гнусных целей. Как бы то ни было, я надеялась, что никогда не узнаю правду.

Мы с братом наклонились, взяли за колеса кресла матери, приподняли его над ступенькой и занесли в храм. Внутри кресло с матерью пришлось катить мне. Мы направились вправо от просторного зала и женщин, которые рядами стояли с опущенными головами, на коленях, на холодном каменном полу, пока жрецы и жрицы ждали перед входом в святилище.

Остановив кресло в проходе рядом с местом на полу, оставленным для моей матери другими женщинами, я встала перед ней. Взяв ее руки в свои, я помогла ей приподняться и встать.

Под тяжестью тела ее ноги дрожали. Крепко прижав ее к груди, я приложила все силы, чтобы отодвинуть ее от кресла, и аккуратно опустила ее на колени.

Я давно поняла, что мать не чувствует боли, когда падает. Зато эту боль ощущала я и потому старалась двигаться как можно осторожнее, чтобы на сердце не возникало шрамов. Как только колени мамы коснулись пола, я медленно опустила ее, чтобы она села на пятки, а она подняла ладони, чтобы опереться в бедра. Оставив ее сидеть, я откатила кресло в заднюю часть святилища, чтобы оно не мешало жрецам и жрицам ходить по залу.

В передней части зала один из слуг похожим образом помог встать на колени леди Жаклин.

Все преклонились перед храмом – отдали себя во власть Отцу и Матери, – даже леди Мистфел.

Я вернулась к матери и опустилась на колени рядом с ней. Все ее тело дрожало, и по напряженной гримасе я видела, как трудно ей сидеть в таком положении.

Я положила руки на бедра, ладонями вверх, и открыла их Матери, а голову склонила, чтобы смотреть в пол перед собой.

С другой стороны зала на коленях стояли мужчины: на подушках, вручную вышитых для них жрицами. С ними тихо разговаривал жрец, и его голос постепенно растворялся в пространстве между нами. Я уставилась на светлое пятно на каменном полу, сосредоточившись на нем, пока между рядами женщин ходили жрицы. Некоторых они касались, твердой рукой поправляя им осанку.

– Хм-м, – тихо произнесла, проходя мимо нас, Бернис, суровая Верховная жрица, которая когда-то была моей наставницей.

Она не коснулась меня, зная, что давно выбила из меня и лень, и желание сутулить плечи и расслаблять локти, но даже звук ее задумчивого «хм», разнесшийся в воздухе, заставил мое сердце забиться сильнее. Пришлось изо всех сил сжать зубы, чтобы не дернуться в ожидании удара по плечу, к которому она меня приучила.

– Посмотрите на Мать, – сказала высокая худощавая женщина.

Она вышла в переднюю часть зала и заняла свое место рядом с каменной статуей женщины, которая сидела рядом со статуей Отца, преклонив колени у его ног и склонив голову. Ладони ее были направлены вверх, к небу, чтобы принять дары, которые он ниспослал ей за покорность и послушание. За его любовь. Его защиту. Его семья, которое она примет и использует для создания детей.

– Сезон сбора урожая заканчивается завтра, – сказала Бернис, с улыбкой оглядев группу собравшихся женщин. – Отец сообщил о своих пожеланиях Верховному жрецу, и вскоре один из нас отдаст свою жизнь Завесе, чтобы она продолжала защищать нас. В прошлом году в жертву принесли мистера Догерти, теперь настала наша очередь.

– Да, жрица, – пробормотала я, и звук моего голоса слился с голосами окружающих меня людей. – Это будет честью для нас.

Это был хорошо отработанный ритуал. Но слова обожгли мне горло, как кислота, ужалили звуком моего предательства. Эта «честь» оставила меня без отца, а мать без мужа – одну с двумя детьми. Не находила я в этом никакой чести, лишь извращенное обещание послушания, которое подтверждало, что мы добровольно пойдем на смерть, если этого потребуют те, кто утверждает, будто говорит от имени Новых богов.

– Мы – женщины. Наш долг – заботиться о наших домах и мужьях, о наших сыновьях и дочерях, чтобы следующее поколение стало еще сильнее. Теперь мы склоняем головы и молим о прощении наших дурных мыслей, наших греховных желаний, которые искушают нас, молим об отпущении грехов, которое может дать только Мать.

Мужчины на другом конце помещения поднялись на ноги, и я, снова склонив голову, принялась изучать то же место на каменном полу.

Бернис заговорила с Верховным жрецом и лордом Байроном, когда они присоединились к ней на женской половине, а я так и не могла отвести взгляда от светлого пятна на известняке.

– Женатые и замужние могут уйти, – произнес Верховный жрец.

К нам подошел Бран и помог маме подняться на ноги, а другой мужчина подвез ее кресло. Они подняли и усадили ее. А я ждала еще менее приятной части храмовой церемонии, чем преклонение колен перед богиней, веру в которую я теряла.

Такая жизнь просто не могла быть единственным, что для нас предназначалось в мире. В этом не было никакого смысла.

Когда женатые мужчины и замужние женщины ушли, по залу раздались звуки шагов. Между рядами незамужних женщин вышагивали одинокие мужчины.

– Приданое мисс Ид в этом году станет больше после сделки ее отца с лордом Копстейджем? – спросил один.

– Да, – радостно объявил жрец, – ее приданое удвоилось по сравнению с прошлым годом.

Я сидела неподвижно, надеясь, что меня не заметят. Грязь и сажа на моей старой, покрытой пятнами одежде отталкивали большинство мужчин, и я надеялась, что именно так все и продолжится. Женитьбой на крестьянке мог заинтересоваться только другой крестьянин. А с приближением зимы никто не имел роскоши позволить себе прокормить еще один рот.

– А что у мисс Барлоу? – спросил другой мужчина, подойдя ко мне и положив руку мне на плечо.

Его пальцы играли с концом моей спутанной косы, стянули ленту, распустив мне волосы, которые рассыпались по плечам. Я замерла, нижняя губа дернулась. Изо всех сил я старалась сохранить самообладание и оставаться неподвижной.

Ведь происходило то самое, чего я должна была желать всей душой.

– У нее по-прежнему нет приданого, – сказал жрец, и в его голосе прозвучала некая нотка напряженности и сдержанности. – Вряд ли это изменится, учитывая ее положение, – добавил он, имея в виду, что у меня нет отца и что мы давно потратили скудную компенсацию, которую нам дали за его убийство во имя безопасности Мистфела.

– Я навел справки о ее положении в прошлом году, но предложения не сделал. Приданое для меня не имеет большого значения, а она так красиво стоит на коленях, что, думаю, мне хотелось бы видеть, как она так стоит в другом месте, – со смешком сказал мужчина.

Я прикусила щеку зубами так сильно, что на языке появился медный привкус крови.

– Боюсь, у Отца появились планы насчет мисс Барлоу, – откликнулся Верховный жрец, и я перестала дышать.

Я взглянула на Верховного жреца в передней части зала и заметила выражение замешательства, написанное на лице лорда Байрона, когда он переключил свое внимание на человека в мантии рядом с ним.

И тут же, получив удар тростью по затылку, упала вперед. Но я успела собраться и просто скользнула щекой по каменному полу, а не впечаталась в него лицом с размаху. Спина пульсировала от боли, расплзавшейся вниз от шеи, но я продолжила лежать ниц, зажмурив глаза в ожидании следующего удара, которого, впрочем, так и не последовало.

– Хватит, Бернис. Думаю, мисс Барлоу вспомнила о манерах, да, моя дорогая? – спросил лорд Байрон мерзким голосом, слизью расплзшимся между нами.

– Да, милорд, – пробормотала я, повернула голову в сторону и кивнула, царапая щеку о камень.

Бернис взглянула на меня – в ее глазах пылала ненависть. Она считала меня неблагодарной свиньей, не заслуживающей доброты лорда Байрона. Она считала, что я не заслуживаю ни его лапающих рук, ни помощи после ударов ее тростью. Не заслуживаю ни его внимания, ни уроков, которые он давал мне из жалости к потере отца и матери-калеке, не способной должным образом заботиться обо мне.

А я бы отдала все – в мгновение ока, – чтобы никогда не знать, что чувствуют его руки, когда ощупывают рубцы, оставленные ее тростью на моей коже. Так что, возможно, я и в самом деле была неблагодарной.

Такой я и останусь, пока не заплачу им за все страдания, которые они мне причинили.

Лорд Байрон двинулся вперед, пробираясь сквозь ряды оставшихся женщин. Мужчины, рассматривавшие потенциальных жен, отходили в сторону, уступая ему дорогу. Когда он подошел ко мне и остановился, я судорожно выдохнула. В поле моего зрения виднелись только его коричневые туфли, слишком чистые и блестящие, в отличие от моей обуви, изношенной и грязной.

Мой взгляд переместился на Брана, который стоял с женщинами, сжав в кулаки руки и стиснув челюсти. Он ничего не мог сделать, чтобы спасти меня от надвигающейся бури, от гнева Бернис, который я навлеку на себя, если чуть шевельнусь.

Не дрогнув ни мускулом, я перевела взгляд на стоявшего надо мной лорда Байрона и увидела, как по его лицу скользнуло какое-то непонятное выражение. Лорд поднял руку, держа ее ладонью вверх, и посмотрел на Бернис. Та ухмыльнулась, сердито глядя на меня, и вложила трость в его раскрытую ладонь.

– Мне нужно провести несколько минут наедине с мисс Барлоу, – сказал он, сжимая пальцами инструмент для причинения боли.

– Но, милорд, в храме еще... – начала было протестовать жрица, и люди вокруг нас замерли, затаив дыхание в ожидании, кто станет победителем в схватке за власть, которая могла последовать.

Ведь Верховный жрец считался представителем самого Отца в этом мире.

– В честь предстоящего празднования Отец отпускает вас всех из храма пораньше, чтобы у вас осталось больше времени повеселиться на еженедельной ярмарке, – возвестил Верховный жрец, и от этих слов у меня по телу пробежал холодок.

Пальцы в поисках опоры заскребли по каменному полу, когда я уткнулась в него лицом. Прикосновение к прохладной поверхности немного притупило поднимающийся во мне страх, немного успокоило бешено бьющееся сердце. Я глубоко дышала, чтобы унять дрожь в теле.

Окружавшие меня женщины поднялись на ноги, без малейшего колебания стремясь прочь от неудобной сцены. Но я на них не смотрела. Они оставили меня наедине с женатым мужчиной, которому не следовало знать даже моего имени. Такова была судьба скромной сборщицы урожая, с которой лорд Мистфел вполне мог не считаться.

Я приготовилась к скорой боли – удару трости, которая, как я ожидала, в любой момент могла опуститься мне на спину или ягодицы. Горло сжалось, и рот наполнился слюной, которую я никак не могла проглотить.

Он заставил меня ждать – его пытки были хорошо отрепетированы. Лорд Байрон понимал, что боль сама по себе служила лишь одним из орудий, которые он использовал против меня, а вот ужас ожидания того, что должно было произойти, оказывался еще большим мучением.

– На колени, – приказал он, и его голос ударил по нервам скрытой угрозой, осязаемой и грязной.

Я медленно села на колени. Склонив голову в знак подчинения, я боролась с жжением в носу и слезами, которые скопились в глубине глаз и грозили вот-вот выплеснуться. Время, казалось, застыло, пока я ждала следующего приказа, весь мир съезжился до ритмичного звука мужского дыхания.

Лорд Байрон поднес трость к моей шее и так сильно надавил на горло, что я прикусила щеку, чтобы подавить желание вздрогнуть. Он провел тростью по шее вверх и приподнял мой подбородок, чтобы я наконец посмотрела ему в глаза.

– Ты не пришла в поместье вчера, а между тем у тебя такой вид, будто ты всю ночь не сомкнула глаз. Надо ли мне беспокоиться, что ты нашла себе компанию в другом месте? – спросил он, изогнув бровь.

Я тяжело сглотнула. Меня охватило чувство безысходности и отчаяния. Усталость после сбора урожая и грядущие зимние испытания – все это давило на меня тяжким бременем.

– Конечно нет, милорд.

Я не стала рассказывать ему, что нашла себе компанию несколькими месяцами ранее и встречалась со своим избранником в те ночи, когда лорд не требовал меня к себе. Если бы он узнал об этом, мне бы пришел конец. Моя непорочность оставалась единственной защитой, иначе он забрал бы меня всю – целиком и полностью. Ведь есть много способов касаться женщины. И у него имелось достаточно способов мучить меня, не лишая моей мнимой девственности. Но пока он верил в нее, маленькая часть меня оставалась только моей.

И эта часть находилась в безопасности.

– Думаешь, я не знаю о твоём стражнике Тумана? Как его зовут? Лорис? – спросил лорд Байрон, описав тростью четкую дугу в воздухе.

Меня трость не коснулась, но этого оказалось достаточно, чтобы я почувствовала, что моя бессмертная душа вот-вот выпрыгнет из тела. Оказывается, лорд Мистфел все знал. От его признания мое тело ослабло и обмякло, голова закружилась.

И я тут же получила удар по ребрам прямо под грудью. Тело отозвалось болью и вернулось к жизни, и я заставила себя сесть прямо. Место удара горело так, будто в меня вонзили тысячу иголок. Я едва сопротивлялась желанию прикрыться, сжаться от боли.

На месте меня удерживало только осознание, что, если я дам слабину, наказание будет еще более жестоким.

Я пыталась подобрать слова и не находила ни одного. Я была уверена, что он полностью подчинит меня, если узнает правду, что он без колебаний сделает меня еще одним своим трофеем.

– Я не... я не понимаю, – выдавила я наконец, запинаясь.

Инстинкт заставлял меня извиняться, будто лорд Байрон обладал неким богом данным правом на мое тело, которое на самом деле мне не принадлежало. Но я отмахнулась от этой мысли и сосредоточилась на убежденности, что не понимаю, о чем он говорит. Сконцентрировалась на том, *зачем* он об этом говорит.

Лорд Байрон бросил трость на землю рядом со мной и склонил голову набок, как будто ему и в голову не могло прийти, что я могла не знать о его осведомленности. Он взял меня за подбородок двумя пальцами, и от интимности его прикосновения нервы у меня натянулись струной.

Нет, этого не могло происходить, он не мог себе позволить *прикасаться* ко мне в храме.

– У тебя нет от меня секретов, Эстрелла, – сказал он, медленно отпуская мой подбородок.

Он опустил руку на мою шею, наклонился вперед и коснулся лбом моего лба.

– Но вспомни, как поступают с мужчинами, которые берут то, что им не принадлежит. Какой бы был позор, если бы Страж Тумана узнал, что он сделал.

– Нет, пожалуйста. Пожалуйста, не ...

Лорд Байрон отстранился, глядя на меня так, словно хотел напомнить, кто он такой. Он мог и приговорил бы человека к смерти только за то, что тот сунул свой член куда не надо, ведь остановить его было некому.

Я колебалась, впиваясь зубами в нижнюю губу.

– Я просто хотела чего-то для себя. Я хотела выбрать сама, хотя бы раз, – объяснила я.

Признание в грехе в храме показалось мне величайшим преступлением, извинением за то, о чем я не могла заставить себя сожалеть. Ведь это означало, что, какого бы мужа они для меня ни выбрали, он сильно разочаруется в жене, с которой ему придется жить.

– Я точно знаю, чего ты хотела. Ты непокорна, безрассудна и в большинстве случаев поступаешь глупо. Если ты так сильно хотела погубить себя для замужества и превратиться в простую шлюху, самое меньшее, что ты могла сделать, это позволить мне лишить тебя невинности! – рявкнул лорд Байрон так, что его слова физически ударили меня по коже.

– Конечно, вы все знаете, милорд, – сказала я.

Мой голос прозвучал высоко, как пронзительная насмешка, напомнив отработанные стоны женщин, которых он имел, заставляя меня наблюдать за ним, в течение последних двух лет, когда ему хотелось потрахаться, чтобы снять напряжение, в которое я, по его словам, его вводила.

Потому что я была под запретом – но на самом деле, оказывается, не была, и он все время знал об этом.

Он ударил меня по щеке тыльной стороной ладони, и звук пощечины эхом разнесся по пустому пространству. От удара голова у меня резко дернулась в сторону, и скула запульсировала болью после встречи с его кольцом.

– Помни свое место, – сказал лорд Байрон, схватив меня за лицо.

Большой палец его руки прижался к одной щеке, остальные пальцы – к другой, и он наклонился надо мной, скривив в ярости губы.

– Да, милорд, – пробормотала я, едва раскрывая рот, сжатый немилосердной хваткой.

– Сегодня ночью придешь в библиотеку. Надо кое-что обсудить. И мне нужно успокоиться после твоей наглости, или я буду бить тебя тростью, пока ты не истечешь кровью. Благодарю меня за доброту, Эстрелла.

– Благодарю вас, милорд, – сказала я, поморщившись, когда он внезапно отпустил мое лицо.

– Сегодня ночью. Не разочаровывай меня снова, – резко напомнил.

Лорд Байрон оправил свою одежду и принял образ, который хотел предъявить прихожанам, растянув губы в умиротворяющей и доброй полуулыбке. Казалось, только одна я видела, каков он на самом деле. Он направился к дверям, и их скрип отразился от стен святилища, когда лорд Мистфел распахнул их.

Оставшись одна, я стала поднимать свое избитое тело с холодного каменного пола, кажется, в миллионный раз за два года. И я знала: что бы ни случилось этой ночью, теперь все будет намного хуже.

4

В ту ночь я покинула дом не через окно, а вышла прямо через входную дверь, как часто делала в те вечера, когда меня вызывали в личную библиотеку лорда Байрона в поместье Мистфел. В такие ночи мне ничего не приходилось скрывать от брата – ведь мне официально приказали вести себя неподобающим образом. Я пыталась погрузиться в спокойствие, которое обычно давала мне ночь, и найти утешение в чувстве расслабленной теплоты. Но сейчас все изменилось, и сердце у меня колотилось где-то в горле.

Лорд Байрон упомянул, что нам надо поговорить. Он не сказал, что намерен овладеть моим телом так, как никогда не делал раньше. Но он не стал бы скрывать от меня эти намерения, если бы они у него были. Ему хотелось бы мучить меня весь день, вбивая в меня послушание так, чтобы я захлебывалась страхом.

Я медленно шла среди деревьев, придерживая руками ветви, но старалась не отходить далеко от тропинки. Рано или поздно она приведет меня к казармам и усадьбе, расположенной недалеко от центра деревни. Несмотря на то, что у меня было разрешение на прогулку в ночи, мне не особенно хотелось иметь дело со Стражей Тумана, которая, вероятно, сопровождала бы меня до поместья с присущей ее представителям грубостью.

Я посмотрела на деревья и полосы лунного света, пробивающегося сквозь кроны над головой, и вдруг заметила пару янтарных глаз, пристально разглядывающих меня с ветвей. Испугавшись, я споткнулась и замерла на месте, вглядываясь в слишком умные глаза козодоя, наблюдающего за мной.

Как вороны, существовавшие как рядовое явление в дневное время, козодой был ночной птицей, созданной, как говорили, из магии самого двора Теней. Рожденные из тьмы, они шпионили для тех существ, которые больше не могли проникнуть сквозь Завесу.

Я тяжело сглотнула, когда птица склонила голову набок, наблюдая за мной и перебирая лапками, чтобы лучше ухватиться когтями за ветку. Затем козодой моргнул почти прозрачным веком, и его глаза, внимательно следившие за мной, будто подернулись дымкой. Взмыв в небо, он полетел к Завесе на краю Тумана, подтверждая слухи о своем предназначении.

Считалось, что Завеса непроницаема для любой формы жизни, но, несмотря на это, меня зазнобило, а по коже побежали мурашки при одной мысли о шпионе, летевшем донести обо мне монстрам с другой ее стороны. Не думаю, что феири знали о моем существовании. Скорее всего, им было наплевать и на меня, и на мою жизнь, но я все равно не могла избавиться от зловещих предчувствий, расползавшихся по телу.

Покачивая головой, я продолжила идти по тропинке, хотя часть меня очень хотела вернуться домой. Подсознательно я пыталась оттянуть неизбежный визит к лорду Байрону, но совсем от него уклониться не могла. Краткая встреча с птицей, наблюдавшей за мной в ночи, напомнила о легендах, которыми пугают детей, рассказывая их шепотом на ночь.

Как говорил мой отец, некоторые тайны лучше похоронить поглубже.

Сквозь деревья справа от меня виднелись сады, росшие рядом с барьером между мирами. Они были подсвечены мерцающей Завесой, покачивающейся на ветру. Туман с другой ее стороны скрывал все, что находилось за ее пределами, и отбрасывал тени на пространство между нашими землями.

Я свернула налево, преодолевая ощутимое притяжение к Завесе, – решила не искушать судьбу и не подходить слишком близко. Только не сейчас, когда моя жизнь и так полна потрясений и мне грозят неприятные перемены.

Едва я сделала несколько шагов вперед, как кто-то остановил меня, обхватив под грудью.

Меня прижали к безжалостно твердому телу человека, видеть которого я не могла. Кровь помчалась по венам, разгоняемая адреналином. Шею ожег холод прижатого к коже лезвия. По мне прокатилась еще одна волна страха.

Любой из людей лорда Байрона разозлился бы, если бы обнаружил, что я снова шатаюсь по лесу ночью в поисках приключений. Успокоился бы он, лишь когда выяснил бы, что это хозяин вызвал меня.

– Разве тебя не предупреждали, чтобы ты не бродила по ночам? Видимо, ты любовница фейри, – едва слышно прошептали мне на ухо.

Услышав знакомый мужской голос, я расслабилась, и тело обмякло от облегчения, что обо мне не доложат.

Когда первый страх, что меня схватила стража, исчез, я тут же подпрыгнула, как он учил меня, вытянув обе руки, схватила его за запястье, одновременно опустившись на землю и развернувшись. Он застонал, когда его рука крутнулась вместе со мной. Затем я пнула его сзади по коленям, и он, потеряв равновесие, упал.

– О чем я только думал, когда учил тебя этому приему? – спросил мужчина, прищутив теплые карие глаза, смотревшие на меня снизу вверх.

Его взгляд задержался на синяке у меня на щеке. След от удара тростью, который нанес мне лорд Байрон, выделялся темным пятном на коже. Но мужчина стиснул зубы и ничего не сказал, как того и требовал долг.

Я улыбнулась, отпустив его руку, чтобы он стряхнул боль и вложил кинжал в ножны. Кожаный нагрудник Лориса был закреплен на боку застежками, которые звенели, пока он поднимался на ноги. Наконец Лорис выпрямился, улыбнулся, и приподнявшиеся уголки его тонких губ немного смягчили резкие черты лица и его суровость, бывшую неотъемлемой частью обязанностей стражи.

Он состоял в Страже Тумана, а значит, должен был проявлять только жесткость – всю доброту из него просто выбили. Он был слугой, обученным выполнять конкретные задачи, движимый необходимостью защитить Завесу и любой ценой удержать фейри по другую ее сторону. По сравнению с этими задачами все остальное не имело никакого значения.

Таким был его долг, даже если это подразумевало участие в жертвоприношении невинных людей.

– Возможно, тебе нравится быть единственным, кто...

Лорис не позволил мне продолжить. Он быстро наклонился ко мне и прижался губами к моим губам. Его карие глаза закрылись в тот момент, когда он коснулся меня, будто какая-то часть его успокоилась, когда я не проронила ни звука, чтобы не принижать того положения, в котором мы оба оказались.

Это было не любовью, но очень близкими отношениями, насколько это вообще позволялось в нашей ситуации. Это был своего рода бунт против той жизни, которую выбрал для нас кто-то другой: его долг требовал, чтобы он никогда не женился, а мой обрекал меня на замужество против воли.

Его нежные руки, коснувшись моей талии, притянули меня ближе, и я, прильнув к нему всем телом, ответила на его жаркий поцелуй. Я знала – это будет наше последнее свидание, ведь после того, как я признаюсь, что лорд Байрон знает о нас, Лорис больше не захочет иметь со мной ничего общего.

Наш поцелуй был так сладок, что на мгновение я поверила, будто могу хоть что-то значить для мужчины в нашем мире. Могу стать чем-то особенным, пусть даже только для одного человека.

Когда он отстранился, то посмотрел на меня потяжелевшим взглядом и, покровительственно улыбнувшись, произнес:

– Ты же знаешь, тебе не следует бродить ночью по лесу.

Не отводя своих карих глаз от моих зеленых, он заправил выпавшую прядь моих темных волнистых волос за ухо.

– Мне нравится здесь ночью, – ответила я, отстранившись от него и вызывающе вздернув подбородок.

Я все откладывала и откладывала признание, и каждое проведенное вместе мгновение начинало казаться мне ложью.

– В этот час по улицам ходят только ночные бабочки. Даже если тебя не поймают пещерный зверь, чтобы перекусить на ночь, то кто-нибудь из путешественников, прибывших на праздник в Мистфел, примет тебя за одну из них, – сказал Лорис, прижимая меня к груди и проводя губами по уголку моего рта.

Меня охватило искушение уступить, но я оттолкнула мужчину, упершись обеими руками ему в грудь.

– Тогда они бы, наверное, ужаснулись, увидев меня в твоих объятиях? – спросила я, сладко улыбнувшись, и, развернувшись на каблуках, продолжила путь к поместью.

Пока у меня не появится официальный хозяин, никто не овладеет мной ночью.

– Эстрелла, подожди! – позвал Лорис, подбежал ко мне сзади и схватил за запястье.

Он притянул меня к себе и прижал к груди, и его лицо осветилось уверенной улыбкой.

– Ты же знаешь, я просто беспокоюсь о тебе.

Лорис снова поцеловал меня, и на этот раз поцелуй был глубже, страстнее, и он едва сдерживал жар вожделения, которому, стражник не сомневался, я не могла не уступить.

– Я больше не твоя, так что можешь не беспокоиться, – резко произнесла я, тяжело вздохнув.

Мы оба знали, что нас ждет в будущем. Просто он еще не понимал, что будущее, скорее всего, уже наступило.

– Лорд Байрон знает о нас.

Лорис отстранился и, нахмурив брови, посмотрел на меня сверху вниз.

– Что?

– Видимо, ему известно об этом уже давно. – Я пожала плечами, пытаясь изобразить небрежность по отношению к ситуации, которой вовсе не чувствовала.

Внутри меня что-то сжалось, когда я просто подумала о том, что именно приготовил для меня лорд Байрон в наказание за проступок.

– Но ты же потеряла девственность и теперь не годишься для брака. Почему он не отправил тебя работать с ночными бабочками или не рассказал Командору, что я сделал, если уж на то пошло? Зачем ему хранить нашу тайну, если мы нарушили учение Матери? – Лорис в замешательстве поднял руку, чтобы потереть лицо.

– Он ничего не делает просто так. Думаю, у него есть цель, и я иду узнать, чего он хочет, – призналась я, опустив голову и ненадолго прикоснувшись лбом к его груди. – Он потребовал, чтобы я пришла к нему в библиотеку, так что я скоро узнаю зачем. Но что бы он ни сказал, мы больше не сможем встречаться. Это слишком опасно для тебя.

– Похоже, он не имел ничего против, если позволил, чтобы это продолжалось так долго. Он мог бы повесить меня несколько месяцев назад за то, что я погубил тебя в глазах Матери, – сказал Лорис, усмехнувшись, и сделал шаг назад.

Даже если его слова служили аргументом в пользу того, что лорд Байрон, похоже, был готов позволить другому мужчине прикасаться ко мне, этим шагом Лорис установил необходимую дистанцию между нами, признавая опасность продолжать со мной отношения после того, как наша тайна оказалась раскрыта.

– Думаю, он не сказал бы мне, что знает, если бы не хотел, чтобы это прекратилось. Каковы бы ни были причины, по которым он заговорил, их больше нет.

Я не упомянула о словах, сказанных Верховным жрецом в храме, как не упомянула и о намеке, что у Отца на меня есть планы и что это может быть связано с грядущей жертвой. Выглядело все это так, будто лорд Байрон не планировал слишком уж долго наслаждаться моим обществом.

Я сделала шаг назад и затем направилась к поместью. Лорис отпустил меня, потому что пойти против воли лорда Байрона, пусть даже невысказанной, означало бы нарушить данные им клятвы служить Мистфелу и Завесе.

И на первом месте у него оставался долг.

Лорис развернулся и исчез в противоположном направлении на тропинке, когда я повернулась к нему спиной. Мы шли в разные стороны и понимали: однажды это должно было случиться.

Я не ожидала, что это так сильно расстроит меня, лишит сразу всех иллюзий, которые я позволяла себе в те несколько мгновений, пока находилась в его объятиях.

Нам удавалось тайно проводить вместе несколько часов в неделю, когда Лорис не дежурил. Он заставил меня почувствовать, будто я что-то значу для него, будто я не просто племенная кобыла, а нечто большее, и будто ради того, чтобы быть со мной, возможно, стоит рискнуть своим будущим. Но все же Лорис отвернулся и ушел прочь от меня без особого сожаления. Он и дальше будет выполнять все обязанности, возложенные на него.

Я продолжила идти через лес, смаргивая слезы, которых совсем не ожидала, – не стоило их лить из-за мужчины, который никогда не был и не стал бы моим. Поспешив скрыться в тени деревьев, чтобы избежать еще каких-нибудь происшествий, я всю дорогу к казармам, в которых размещалась Стража Тумана, шла рядом с тропой, под прикрытием веток.

За казармами лежала усадьба, защищенная от Завесы внушительным сооружением, практически крепостью. Говорили, что это был настоящий нерушимый оплот, который по прочности мог соперничать с дворцом в столице Инеберн-Сити. Сама я никогда не бывала в казармах. Да и никто другой туда не допускался, только стражники Тумана. Лорис никогда особенно не распространялся о своей жизни в этих стенах, чтобы я не чувствовала разницы между нами. Другие стражники, однако, не знали почти ничего о бедности, свирепствовавшей в Мистфеле, и о страданиях большинства из нас, в то время как они жили в роскоши.

Стража Тумана считалась отдельным классом. Они существовали в идеальном мире, не запятнанном коррупцией лорда Байрона, и могли не отчитываться ни перед кем и ни перед чем, но при этом должны были следовать собственным догмам и иерархии. На них не распространялось влияние ни лорда Мистфела, ни даже короля Нотрека. Стража существовала отдельно от короны.

Таким образом, казалось вполне естественным, что с ними обращались как с членами королевской семьи. Это была награда за то, что они выбрали жизнь, цели которой сводились к защите королевства от существ по ту сторону непроницаемой Завесы.

Каменные стены, окружавшие крепость, потемнели от времени. Я обошла их по краю, соблюдая дистанцию между собой и патрулями, которые, как я ожидала, могли выскочить в любой момент. С тоской смотрела на лошадей, которые высовывали головы из стойл амбара. Мне казалось несправедливым, что у них были лучшие лошади в деревне, в то время как крестьянам часто приходилось иметь дело со старыми клячами, которые совсем не годились для каторжной работы.

Казармы служили барьером, отделяющим Завесу от деревни, так что, в каком бы уголке Мистфела вы ни оказались, Стража Тумана стояла безмолвным часовым до самой Завесы. Если фейри когда-нибудь проникнут в Нотрек, то первым, на что они наткнутся, будут сады – и Стража. Если они когда-нибудь пересекут границу Завесы, то только для того, чтобы заявить права на людей, которые, по их мнению, принадлежат им, после столетий принудительного разделения, удерживавшего их от смертных собратьев.

Шагая по опушке леса, я подошла к мерцающей белой Завесе, которая колыбалась по другую сторону деревьев. Ветви тянулись к ней, словно хотели подобраться как можно ближе к всепроникающей магии фейри, обещавшей лучшую жизнь и более плодородную почву.

Я последовала их примеру вопреки голосу разума и пробралась к самому краю границы, где земля исчезала в мерцающей магии и лежавшем за ней тумане. Справа от меня раскинулись сады, сзади, среди деревьев, стояли казармы, вдали сияло огнями поместье, а я... я раскачивалась, как молодое деревце, склоняясь к Завесе. Она трепетала, как легчайшая ткань, подхваченная океанским бризом, а плотный туман с другой стороны скрывал все происходящее на земле фейри. Иногда, ночью, я вглядывалась в этот туман и могла поклясться, что вижу сияющие огни голубых глаз, которые тоже смотрят на меня.

Но подобное мнилось невозможным, и иногда я задавалась вопросом, таким ли уж благословением это было, как утверждали все остальные. Праздное любопытство и скука влекли меня к Завесе ночью, чтобы увидеть мерцающие в тумане звезды и грозовые бури, проносившиеся сквозь границу, словно сами Древние боги гневались на нас за то, что у них отняли.

Учитывая, что Древние, которым мы когда-то поклонялись, в конце концов оказались просто могущественными фейри, я думала, что, скорее всего, они разозлились. После того как выяснилось, кто они такие на самом деле, разразилась война, разорвавшая Нотрек надвое. Целые города оказались разрушены руками Древних богов, которые пришли в ярость от того, что им больше не собирались поклоняться.

Я подняла руку и поднесла ее к Завесе настолько близко, насколько хватило смелости. Меня охватило чувство небытия, и я устала в Туман за Завесой. Звезды мерцали в унисон с чем-то внутри меня. Тишина тьмы стала долгожданной передышкой от хаоса у меня в голове. И мой нездоровый интерес к тому, что таилось по ту сторону Завесы, уж точно нельзя было причислить к моим достоинствам.

– Я вижу, что наш последний урок, касавшийся приличий, пошел, как обычно, не впрок, мисс Барлоу, – прозвучал где-то у меня за спиной голос лорда Байрона.

Я вздрогнула и убрала руку от того места, куда тянулась, чтобы почувствовать близость к магии, возбуждавшей мое любопытство.

Развернувшись, я посмотрела в лицо обладателю мягкого голоса, который преследовал меня в ночных кошмарах.

– Лорд Байрон, я могу объяснить...

– Милорд, – поправил он меня, не спеша пробираясь через рошу, которая, как я думала, могла скрыть меня.

Множество стражников Тумана, которые не могли похвастаться его природной грацией, по пятам следовали за ним. Они двигались грубо и напористо, как их и учили. И они напомнили мне обо всем, о чем мне не хотелось думать, – о тикающих часах, которые лорд Мистфел сейчас держал у меня над головой.

– Милорд, – повторила я, опуская взгляд, пока он не уткнулся в пожелтевшую траву у ног лорда Байрона.

Я предпочла ее фальшивой доброте голубых глаз и привлекательным чертам лица, которые, несомненно, заставляли многих девушек стремиться в его постель.

Исполнять роль любовницы лорда Мистфела было задачей не из легких, пусть даже у него имелась жена.

– Я совершенно уверен, Эстрелла, что это не моя библиотека, – сказал он, остановившись передо мной, сунул два гладких пальца мне под подбородок и поднял мое лицо, ища мой взгляд своим.

– Да, это не библиотека, – подтвердила я, подавляя стремление плюнуть ему в лицо.

– Женщине вашей грации не пристало бубнить себе под нос.

Он провел пальцами вниз по моему горлу, прижал их к ключице, подталкивая меня назад, чтобы я выпрямилась и приняла благородную позу, как будто не было на мне ни грязного драного платья, ни ботинок, стоптанных до дыр во время сбора урожая в течение долгих лет.

Лорд Байрон смотрел на меня и видел нечто, нуждавшееся в шлифовке и обладании, а мне хотелось только одного – стать свободной.

– Этого больше не повторится, милорд, – сказал я, сопротивляясь желанию «побубнить» еще.

– Постарайся, чтобы не повторилось, – сказал он, убирая руку с моего тела и делая шаг назад. – Я говорил серьезно о том, что нам нужно кое-что обсудить.

– Раз мы оба здесь... – сказала я, заглядывая через его плечо.

Пусть присутствие стражников Тумана служило ложным утешением, но все же помогало мне, поскольку я не оставалась с лордом наедине. Худшие муки мне приходилось терпеть там, где не было посторонних глаз.

Он изучал меня, отступив назад и держась за свой подбородок теми же пальцами, что касались меня.

– Лорис, не могли бы вы помочь мисс Барлоу найти дорогу в библиотеку? Нам бы не хотелось, чтобы она снова заблудилась.

Лорд Байрон повернулся к Лорису и уставился прямо на него, пока тот пытался спрятаться за другими солдатами Стражи. Кадык Лориса заметно дернулся, когда он нервно сглотнул, памятуя о том, что лорд Байрон знает о его проступке, и встретился с его взглядом. Резко кивнув, стражник шагнул вперед.

– Да, милорд, – пронзил окружавшую нас тишину его голос.

Другие стражи, среди которых были и его друзья, молча наблюдали. Он двинулся ко мне, и на его лице не отразилось ни просьбы простить его, ни заботы обо мне. Лорис крепко ухватил меня за локоть и потащил к особняку.

Я попыталась вырваться.

– Я и сама могу дойти! – рявкнула я, глядя на него.

Но он не обратил на эти слова никакого внимания и продолжил тащить меня с той же силой.

– Надеюсь, это послужит вам уроком, Эстрелла, чтобы вы не забывали: главный здесь – я. Что бы ни происходило в Мистфеле, это происходит только с моего позволения. Потому что эта деревня и все ее жители принадлежат мне, – сказал лорд Байрон, шагая за Лорисом и мной.

Фраза казалась незаконченной, слова повисли в воздухе, и я обернулась, чтобы посмотреть на своего мучителя. Он поправил плащ, перекинув через плечо бархатную полу насыщенного красного цвета, и встретился со мной взглядом:

– И ты тоже принадлежишь мне.

Светлый камень усадьбы Мистфел сиял в лунном свете, пока Лорис вел меня по тропе. Наконец мы подошли к входу для слуг, располагавшемуся в боковой стене усадьбы. Это был тот самый вход, которым я пользовалась каждый раз, когда лорд Байрон просил меня прийти в библиотеку и я пробиралась в дом тайком, чтобы не привлечь внимания ни одного из шпионов Верховного жреца. Ночные бабочки входили через парадную дверь, нисколько не скрываясь. А мне приходилось красться через боковую, будто я представляла собой грязную тайну, которую требовалось прятать ото всех.

Один из стражей усадьбы поспешил открыть нам дверь. Лорис затащил меня внутрь и быстро повел по залам до самой библиотеки. Он взялся за позолоченную ручку одной из огромных дверей и толкнул ее, чтобы войти.

Как только мы перешагнули через порог и ступили на полированный камень с золотыми прожилками, Лорис резко отпустил мой локоть, склонив голову как можно ниже, и я, от неожиданности споткнувшись, едва удержалась на ногах. Подняв руку, я потеряла локоть – по коже

расползлся синяк. Краем глаза Лорис наблюдал за мной, и лицо его на мгновение скривилось, когда он заметил, как легко меня ранить физически.

Но гораздо сильнее меня ранило его предательство, хотя я и так знала, как он поступит, если ему придется выбирать между привязанностью ко мне и долгом перед Мистфелом. Я пыталась убедить себя, будто мне все равно, но это было ложью. Боль от предательства перехватила горло; сглотнув, я оторвала взгляд от лица Лориса и оглядела комнату, которую слишком хорошо знала.

– Оставьте нас! – пролаял лорд Байрон, входя в комнату и освобождая стражника Тумана от дальнейшего присутствия в библиотеке.

Он предпочитал не иметь свидетелей того, что последует дальше. Свидетелей наказания, которое он мне приготовил.

– Вы опять меня ослушались, мисс Барлоу. Что прикажете с вами делать? – спросил лорд Мистфел, когда двери библиотеки закрылись за отступающими стражами.

Я осталась наедине с ним в комнате, которой боялась больше всего на свете. Я ненавидела это место, неразрывно связанное со всей той болью, что я испытывала здесь, и с порочными действиями лорда Байрона.

Вокруг на богато украшенных деревянных полках стояли книги. Полки доходили до самого потолка, и для доступа к верхним из них требовались лестницы. Книги хранили знания многих поколений. Знания, которыми сам лорд Байрон интересовался крайне редко. Он был сосредоточен на настоящем и на том, как упрочить собственное могущество в королевстве, а это требовало слишком много времени.

Его письменный стол стоял в дальнем конце комнаты. На нем лежал пергамент, рядом стояла чернильница с пером. Я провела очень много ночей, склонившись над его гладкой поверхностью, вонзая ногти в край полированного дерева и слушая свист его хлыста, рассекающего воздух, в ожидании вспышки боли от удара.

Сколько ночей я провела, погружаясь в тексты, которые он заставлял меня читать, забивая себе голову знаниями о целомудрии Матери и последствиях греха, пока лорд писал письма королю в Инеберн-Сити? Я давно сбилась со счета. В груди у меня шевельнулось что-то похожее на отчаяние, заставив кровь пульсировать в груди.

Лорд Байрон подошел к столу, взял графин и спокойно налил себе бокал красного вина. Стоя спиной ко мне, он потянулся и, расстегнув свой плащ, повесил его на стул рядом со столом.

– Разве я могу вам приказывать, милорд? Я недостойна чести выбирать себе наказание, – произнесла я и прикусила язык, чтобы не усугубить то, что могло произойти дальше.

Он налил еще один бокал вина, повернулся и протянул его мне:

– Пей.

Я шагнула вперед, нахмурился в замешательстве брови, когда приблизилась к нему. Ни разу за все время, что я провела с ним в библиотеке, лорд не предлагал мне вина.

– Это поможет тебе расслабиться – думаю, сегодня ночью тебе это понадобится.

Раньше он говорил, что вино слишком сильно притупляет мои ощущения. У меня сильно закружилась голова, и комната поплыла, когда я сделал шаг к лорду Байрону и взяла бокал из его руки. Какие же мучения этот человек мне приготовил, если приходится пить вино?

– Уверен, у тебя есть вопросы, – сказал он, отклонившись назад.

Лорд Мистфел присел на стол, скрестив на груди руки.

Я сделала первый глоток вина, и его горький вкус заставил меня сморщиться.

Я молча кивнула, точно зная, что на самом деле он не ждал, будто я начну о чем-то его спрашивать, – небольшое представление об играх, в которые он играл, я давно получила.

– Всегда такая любопытная. Садись, – сказал он, указав на стул прямо перед собой.

Я повиновалась. А он снова наполнил свой бокал и взял еще один.

– Ты можешь задать один вопрос, Эстрелла. Оцени, какой я добрый, несмотря на твое сегодняшнее поведение.

Я сделала еще глоток вина и встретила с его жестким взглядом.

– Почему вы не отправили меня к ночным бабочкам для обучения? Почему врач не сообщил, что я больше не девственна? – спросила я и заставила себя замолчать.

В голове у меня носилась целая куча мыслей, требующих внимания, и, пожалуй, самое умное, что я могла сделать, это поинтересоваться планами, уготовленными для меня Верховным жрецом во имя Отца.

Но о том, что я могу умереть, как мой отец много лет назад, я и думать не могла. Нет, мне хотелось бы продолжать дышать, жить и действовать до самой смерти от естественных причин, а не в виде жертвы.

– Это целых два вопроса, – сказал лорд Байрон, приподняв бровь и усмехнувшись. – Но ответ на них – один и тот же.

Я с облегчением вздохнула, надеясь, что он не станет наказывать меня за дерзость.

Он вытащил из кармана небольшой пузырек, задумчиво посмотрел на него, затем вынул пробку и поставил его на стол.

– Ты всегда была красивой девушкой.

Он опрокинул содержимое пузырька с янтарной жидкостью в третий бокал с вином. В воздухе разлился горько-сладкий аромат белладонны, и вино посветлело.

– Милорд, – пробормотала я и замерла.

Такая доза белладонны была смертельной, и я бы просто не проснулась утром. Байрон взял бокал со стола, обошел меня и направился к дверям библиотеки. Он постучал и немного подождал. Через некоторое время двери распахнулись, вошла служанка и молча приняла вино. Выйдя из библиотеки, она закрыла за собой двери, а лорд Байрон снова повернулся ко мне и встал рядом с моим креслом.

– Она должна была умирать медленно, постепенно, годами, чтобы никто ничего не заподозрил, но, похоже, у нас больше нет времени ждать, – сказал он, проведя тыльной стороной ладони по моей щеке, пока я пыталась переварить его слова.

Я решила держать рот на замке и не спрашивать о том, что меня не касалось. Кому бы он ни послал этот яд, мне следовало усмирить любопытство, которое могло помешать получить ответы на вопросы, действительно имевшие значение для моей жизни.

Ожидавший ответа лорд Байрон ухмыльнулся, когда я прикусила себе язык.

– Я воспрепятствовал тому, чтобы врач доложил о тебе. Я не отправил тебя обучаться профессии ночной бабочки, потому что это помешало бы моему плану – плану, над которым я очень долго работал. – Он протянул руку, закупорил пузырек с ядом и выбросил его в мусорное ведро рядом со столом. – А ты бы все испортила, если бы я не вмешался.

– Леди Жаклин... – начала я и тут же захлопнула рот, так и не задав вопрос.

Я сильно прикусила язык; руки дрожали, когда я сжала их на коленях.

– Умрет еще до наступления утра, – сказал ее муж, снова опершись о стол.

Он протянул руку и схватил меня за подбородок, наклоняясь вперед, пока его лицо не оказалось совсем рядом с моим.

– Теперь ты понимаешь, Эстрелла?

Я кивнула и зажмурилась, охваченная ужасом от его планов. Я всегда считала, что, пока он думает, будто я девственница, у меня есть защита от такого внимания с его стороны. От другого мужчины меня бы это не спасло, но я полагала, что по крайней мере его не стоит опасаться. Но он знал о потере девственности. По-настоящему я никогда не была в безопасности.

– Почему же вы позволили этому продолжаться? – рискнула я задать еще один вопрос.

Лорд Байрон усмехнулся, в его глазах мелькнула злоба, и я поняла: все, что произойдет дальше, погрузит меня в бездонный ужас.

– Твоя девственность никогда не имела для меня значения, хотя, признаюсь, мне было бы приятно лишиться тебя невинности. Но это область правомочия Верховного жреца. Во всяком случае, твой стражник Тумана избавил меня от необходимости выслушивать твои стенания во время первого соития. Теперь мне не нужно беспокоиться обо всей этой чепухе, потому что он уже продырявил тебя. Я и сам мог бы организовать этот процесс, со временем.

– Но Верховный жрец сказал, у Отца есть на меня планы. Наверное, сейчас все это уже не имеет значения, – возразила я, пытаюсь отогнать образ того, что могло бы произойти.

На этот раз мысль о том, что меня могут принести в жертву Завесе, показалась не самым ужасным из всего возможного.

– Я не смогу стать вашей любовницей, если умру.

– Мне не нужно было бы убивать Жаклин, чтобы сделать тебя своей любовницей, – сказал он, схватив со стола салфетку.

Рядом стояла чаша с водой, он смочил в ней салфетку и поднял одну из моих трясущихся рук с колен.

– Она должна умереть, чтобы ты стала моей женой.

Я вздрогнула, будто от удара, – мне стало мучительно больно от этих слов. Я не хотела становиться леди Мистфел. Я не смогла бы долго прожить с таким мужем, как лорд Байрон, – вся моя жизнь, днем и ночью, проходила бы под его неусыпным надзором, в полном подчинении.

– Не ожидала? А зачем, как ты думаешь, я водил тебя сюда, учил читать? Учил тебя этикету за большие деньги? Моей шлюхе такие умения вряд ли пригодились бы, – сказал он, прижимая ткань к одной из ран, оставленных накануне шипами лиловых ягод.

– Никогда не думала об этом, – призналась я.

Все это никак не хотело укладываться у меня в голове. Убийство жены, дальней родственницы короля... это было бы чересчур даже для него.

– Мистфелу нужен наследник. Перед завтрашним жертвоприношением я объявлю о смерти Жаклин и сообщу жителям деревни, что выбрал другую жену, чтобы дать им наследника, которого они ждут и заслуживают. Они узнают, что сам Отец изложил мне свою волю и благословил наш союз, когда я сидел у смертного одра Жаклин. Верховный жрец не посмеет пойти против божественного замысла, ему придется выбрать кого-то другого для жертвоприношения. Мы поженимся через неделю...

– Нет.

Я сама не поняла, как у меня вырвалось это слово; оно повисло между нами, наполнив библиотеку приглушенным звуком моего голоса и тихим вызовом, который я даже не думала произносить вслух. В ушах зазвенело, желудок скрутило болью, в горле вспенилась желчь.

– Что? Что ты только что сказала? – спросил лорд Байрон, замерев.

Взгляд его стал жестким. Все признаки мягкости, которую он сегодня соизволил проявить ко мне, рассказывая о своих намерениях, испарились. Он разозлился и проявил истинную сущность.

– Нет, – повторила я, и теперь в моем голосе прозвучало больше силы.

Сердце в груди грохотало, кожа покрылась холодным потом – я обозначила точку невозврата, выбрала себе судьбу.

Некоторые судьбы хуже смерти.

И он предложил мне одну из них:

– Ты понимаешь, что в противном случае тебе просто перережут горло, как твоему отцу?

С губ у него сорвался недоверчивый смешок, который лишь усилил во мне решимость избавиться от него. Сделать выбор, который он не одобрит.

– Да, – ответила я, подняв подбородок и расправив плечи, демонстрируя позу женщины, которую он пытался из меня слепить.

– Не будь смешной, – пренебрежительно ухмыльнулся лорд Мистфел, но недоверие во взгляде сменилось пониманием.

Он не хуже меня знал, что я имела в виду, когда произнесла это слово. Оно означало полное и безоговорочное «нет».

– Мне было шесть, когда вы, крепко держа меня и не позволяя отвернуться, заставили смотреть, как перерезают горло моему отцу. Выдавлив из него всю кровь, они сожгли его на костре и совершили богослужение над его прахом. Мне не исполнилось и семи, когда вы впервые пригласили меня в эту библиотеку и позволили жрице бить меня, пока я не присела в реверансе так, как надо, пока не научилась стоять с прямой спиной. Я стояла на коленях столько, сколько мне приказывали, и не имела права жаловаться. Всю жизнь я терпела ваши прикосновения и ваше внимание. Хватит, – сказала я; слезы обожгли мне горло и нос, но я сдержала их, не желая показывать, что плачу.

– А если я решу, что мне не нужно твое разрешение? Думаешь, я сделал все это только для того, чтобы подчиниться твоим желаниям?

– Тогда я расскажу Верховному жрецу, что сделали вы. Вы не можете оставить меня в живых и заставить молчать, милорд. Рано или поздно, завтра или через год, я скажу любому, кто будет готов меня выслушать, что вы убили свою жену. Как вы думаете, что сделает король, когда узнает такое о своей родственнице? Ведь мы оба знаем: ваши планы простираются далеко за пределы Мистфела, – произнесла я и впилась зубами в нижнюю губу.

Это была не пустая угроза – это было обещание, и на его исполнение я без колебаний могла потратить всю свою жизнь.

Я не представляла, будет ли это волновать короля или Верховного жреца и обладает ли Жаклин хоть какой-то властью, но первоначальный план лорда Байрона, когда он медленно травил ее в течение многих лет, заставил меня подумать, что, возможно – только возможно, – его все-таки осудят за это преступление.

Вред ей уже нанесли, уже дали смертельную дозу яда, и только потом он заговорил со мной. Лорд Байрон был абсолютно уверен: я подчинюсь его приказу и стану той, кем он хочет, поэтому даже мысли не допускал, что его предложение отвергнут.

– Подумай, ты сможешь вести роскошную жизнь, а не гнить в земле. Подумай о своей семье. Если ты станешь моей женой, о них будут так заботиться, что ты себе и представить не можешь.

– Да, я знаю, – кивнула я.

Когда-то я только этого и хотела. Эта была моя мечта, несбыточная мечта. Но сейчас я так устала от лжи, меня совершенно измотали игры, в которые я играла, чтобы поддерживать нашу жизнь в течение многих лет. Если меня не станет, Брану будет легче обеспечить себя и нашу мать. С ними все будет в порядке.

– Даю тебе на раздумье ночь. И помни: если ты кому-нибудь расскажешь о том, что я сделал, то утром не только ты пострадаешь от последствий. Я уверен, что завтра, к началу церемонии, ты передумаешь. Легко быть смелой, когда ты считаешь, будто я отступлюсь. Но обещаю тебе, Эстрелла, если ты не придешь ко мне утром, ты умрешь за свою дерзость.

– Да лучше я умру, чем позволю тебе тыкать в меня своим дряблым членом! – рявкнула я, оскалившись и позволив выплеснуться наружу всей ненависти, которую всегда чувствовала.

Так долго мне приходилось изображать покорность мужчине, который определял мою жизнь. Но он не сможет определять то, чего больше не будет.

Он ударил меня по лицу тыльной стороной ладони, и его перстень с печаткой вспорол мне щеку как раз в том месте, где он уже поставил синяк днем ранее. В глазах у меня потемнело, и я упала на пол.

– Вон отсюда, гребаная шлюха, – сказал он, наблюдая, как я поднимаюсь и иду к дверям библиотеки. – Ты заплатишь за это завтра вечером, Эстрелла. Мы оба знаем, что ты передумаешь.

Я подошла к дверям и толкнула их, не обращая внимания на боль, пульсирующую в щеке.

По залам двигались слуги, и на лицах у них отражалась паника. Один протиснулся мимо меня, чтобы войти в библиотеку и сообщить лорду Байрону о кончине его жены.

Я была следующей в очереди за смертью.

И я охотно шагну в ее объятия.

5

Последнюю ночь, проведенную дома, я потратила на разглядывание потолка своей спальни. Несмотря на сильную усталость, охватившую все тело, я так и не смогла уснуть. Благословенный сон ускользал от меня, ведь я знала, что через несколько часов окажусь в Пустоте между жизнями. А брат и мать спали в зале, не подозревая, как мало времени у нас осталось, чтобы побыть вместе.

На улице взошло солнце, но деревня еще не проснулась, позволив себе подольше поспать после окончания сбора урожая. Празднества обычно продолжались до поздней ночи, и жители Мистфела собирались вокруг костров, которые зажигали только раз в году.

Праздник был пустым и ненужным, но отвлекал людей от ужасов содеянного. От тела, горящего на костре, пока душа ждала реинкарнации.

Дверь спальни распахнулась, в комнату вошел Бран, и я медленно поднялась и села.

– Ты снова где-то гуляла, – произнес он обвиняющим тоном, подходя к моей кровати.

При обычных обстоятельствах я бы стала отрицать, что уходила, поскольку не сказала Брану о встрече с лордом Байроном. Не зная точно, что выйдет из разговора с лордом, я не хотела напрасно тревожить брата.

Теперь я радовалась, что ничего ему не сказала, потому что хотела провести последний день с ним и матерью без лишних треволений об ожидающем меня. Я не хотела ничего им рассказывать. Так было лучше. Потому что мы могли провести утро, не оплакивая мой предстоящий уход, как это произошло с отцом.

Кровать жалобно скрипнула, когда брат присел на комковатый матрас рядом со мной. Взгляд Брана упал на свежую рану у меня на щеке.

– Что это? – спросил брат, нахмурившись и раздувая ноздри, и поднял руку, чтобы осторожно коснуться раны пальцами.

– Да так, ерунда, – ответила я, отстраняясь от прикосновения, с улыбкой, от которой натянулась поврежденная кожа.

– Это не ерунда, Эстрелла. Тебя кто-то ударил? Тебя поймали? – спросил он.

Мысли Брана следовали по проторенной дорожке – он подумал, что меня поймали и наказали, как наказывали всех, кого Стража Тумана ловила ночью рядом с Завесой. На виселицу меня бы не сразу отволокли, но конечный результат моих блужданий был бы одинаков во всех случаях.

Я поерзала на кровати, и она снова заскрипела. А я на мгновение представила, какой мягкой и изысканной должна быть кровать, которая ждала меня в усадьбе.

Эта мысль была заманчивой, но стоило мне подумать о том, кто окажется в постели со мной рядом, как по телу пробежала дрожь. Единственное, чего я всегда хотела, – это стать свободной, а лорд предлагал мне красивую клетку, которая в конечном итоге ничем не отличалась от обычной тюрьмы.

– Ничего страшного не произошло. Обещаю, все будет в порядке, – сказала я, свесив ноги с кровати и резко потянувшись.

Деревянные доски прогнулись под моим весом, угрожая сломаться от гнили, изъевшей весь наш ветхий дом.

Я могла бы обеспечить семье лучшую жизнь, если бы просто раздвинула ноги.

Я вздрогнула.

– Эстрелла, – сердито позвал меня Бран и, протянув руку, осторожно сжал мне предплечье. – Что случилось?

Его пыливый взгляд показался мне слишком уж внимательным, и я почти не сомневалась, что брат не оставит меня в покое, пока я не дам ему хоть *каких-нибудь* объяснений.

– Леди Жаклин мертва, – призналась я, скривив губы.

Брату я могла рассказать все, кроме имени будущей жертвы. Ему можно было рассказать то, о чем Байрон просил меня молчать. Бран бы просто смирился, поскольку другого выбора у него не оставалось. Возможно, он даже увидел бы в этом выгоду.

Лишь бы Байрон не отравил меня так же, как Жаклин.

– Она... что? – спросил он, убирая руку с моего предплечья. – Значит, ты была в поместье прошлой ночью? Вот куда ты сбежала...

– Лорд Байрон снова потребовал, чтобы я пришла в библиотеку, – призналась я и впилась зубами в свою щеку.

Бран не знал подробностей того, что происходило в этих роскошных стенах, заставленных книгами. Он знал только то, что я не хотела говорить о синяках и кровавых ссадинах, иногда покрывавших мою спину и бедра.

Брат намеревался продолжать расспросы. Я могла и не отвечать, но мы оба знали: не надо быть гением, чтобы кусочки мозаики слились в единую картину. Все видели, как Бернис любила пускать свою трость в дело в храме.

– Наверное, сегодня будут похороны? – спросил Бран, кивая и обдумывая информацию.

Он не стал спрашивать о причине смерти Жаклин, и я подозревала, что большинство жителей деревни не стали бы спрашивать. Она была «больна» в течение многих лет, и ложь Байрона о ее слабом здоровье сделала то, для чего предназначалась: теперь смерть сочтут естественной.

– Наверное. Лорд Байрон заявил о намерении жениться на мне после обряда, – призналась я, заставив брата зажмуриться.

– Я предчувствовал, что так и будет, – сказал он наконец. – На протяжении последних нескольких лет к нам обращались женихи, которые просили твоей руки. Мы подавали прошения лорду Байрону, но он без объяснения причин отклонил все предложения. Я знаю, что не такой жизни ты желала, – мягко сказал Бран, потянувшись ко мне и кладя руку мне на плечо. – Но стать титулованной особой – никто и мечтать не мог, что тебе так повезет. Он будет заботиться о тебе, тебе больше не придется так много работать, и жить будешь в сытости. Особенно если он собирается побыстрее завести детей.

Его лицо исказилось в гримасе, когда он отошел от меня и начал мерить шагами спальню, будто точно знал, какая битва его ждет впереди.

Жизнь, которую предложил мне лорд Байрон, некоторым казалась мечтой. Все, что мне нужно было делать, это раздвигать ноги по его желанию, и я стану жить в самом красивом доме в деревне, в тепле и со слугами, которые будут заботиться обо всех моих потребностях, пока я займусь воспитанием детей. Мне не придется бояться голода, с которым сталкивалось большинство жителей деревни.

– Я не хочу, чтобы обо мне заботились. Я хочу приходить и уходить, когда захочу, и просто жить, – возразила я.

Вынужденное подчинение мужчине, которого я не хотела, – во имя обеспечения элементарных жизненных потребностей – это трудно было назвать жизнью. Это скорее следовало назвать существованием или... просто неумиранием.

– Наш мир устроен по-другому, Эстрелла. А ты пока живешь в нашем мире, – сказал Бран, но мягкость в его глазах говорила, что такое положение вещей нравится ему ничуть не больше, чем мне.

Он тоже хотел для меня свободы, но был бессилен, как и я, чтобы добиться ее.

– А что будет со мной, если лорд Байрон просто неспособен произвести на свет наследника и у меня не получится родить ему сына, Бран? Меня тоже будет ждать медленная смерть от белладонны? – спросила я, усмехнувшись над потрясенным выражением его лица.

– Он отравил ее? – спросил Бран, тяжело сглотнув.

Его потрясло услышанное, и я повернулась к нему спиной, больше не в силах выносить его заблуждение. Я уже приняла решение и не хотела проводить последний день с семьей в спорах о своем месте в жизни лорда Байрона. Каждое мгновение, проведенное в его компании, было наполнено ненавистью за то, что творил, и только укрепляло мой выбор.

Я лучше пойду на смерть с гордо поднятой головой, чем проведу остаток своей долгой жизни на коленях.

Мать ждала в кухне, и ее стул уже был придвинут к столу, где она изо всех сил пыталась разрезать черствую буханку хлеба.

– Давай-ка я попробую, – предложила я, вынула нож из ее руки и быстро разрежала хлеб.

Я намазала на кусок ее любимое домашнее варенье, вручила ей и отвернулась, чтобы не смущать ее.

Мама так и не привыкла к тому, чтобы ее дети заботились о ней после смерти мужа. С каждым годом ее тело все больше слабело, болезнь поднималась от ног все выше. Ее руки дрожали, когда она поднесла хлеб ко рту и, откусив, стала медленно пережевывать.

– Ты ведь счастлива здесь? – спросила я, бросая нож в ведро с посудой, которую мне нужно было вынести и помыть в тазике на улице.

А потом мы отправимся на празднование. Меньше всего мне хотелось оставлять им работу, которую придется делать, пока они скорбят.

– Конечно, дорогая, – ответила она, задумчиво улыбаясь. – Это единственное место, которое напоминает мне о вашем отце.

Я подавила пламя, вспыхнувшее внутри при воспоминании об отце. Все в кухне напоминало о нем, и мне показалось, что я даже вижу его призрак. И я понимала – очень скоро к нему присоединится и мой. Матери только и останется, что вспоминать о днях, проведенных вместе с нами.

– Да и лорд Байрон был так снисходителен к моему состоянию. Я и надеяться не смела, что ко мне будут так хорошо относиться. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так. – Я заставила себя пожать плечами и улыбнуться ей в ответ, хотя в глазах у меня вскипели слезы. – Доедай. Надо еще посуду помыть до ухода. Вряд ли нам захочется с ней возиться, когда вернемся после празднования.

– А ты не хочешь что-нибудь съесть? – спросила мама, озабоченно нахмутив брови.

Я любила поесть, и в семье все об этом знали. Еды всегда недоставало, и поэтому я никогда не упускала возможности чем-нибудь перекусить. Но я все равно уйду, покину этот мир через несколько часов. Брату и матери еда требовалась больше, чем мне.

– Что-то мне сегодня не очень хочется, – ответила я, многозначительно посмотрев на Брану, когда тот наконец вошел из коридора в кухню.

Мать бы обрадовалась предложению лорда Байрона. Оно бы значило лучшую жизнь для всех нас. Как и мой брат, она не знала всех подробностей моих с ним отношений. И в отличие от брата понятия не имела, почему я плакала каждый раз, когда она отправляла меня в поместье в сопровождении Стражи Тумана, когда я была слишком мала, чтобы ходить одна. Бран и я изо всех сил старались защитить ее и не показывали ей мои раны, пока не заживали самые страшные из них.

Я вышла из кухни и отправилась мыть посуду, как и обещала, предоставив Брану оправдываться за мой плохой аппетит. Каждый год в день жертвоприношения желудок у меня сжимался. И в каждом человеке, чью кровь они проливали ежегодно, я видела отца.

Что же я увижу, когда нож приставят уже к моему горлу?

6

Когда Бран докатил кресло матери до центральной улицы деревни, празднование уже было в самом разгаре. Вдали виднелась Завеса, сверкавшая, как ворота в загробную жизнь.

Для меня ими она и являлась.

Моя кровь окрасит землю, а тело останется гнить, пока жители деревни не отнесут меня на погребальный костер. Подумав об этом, я улыбнулась брату.

Мы шли, и все мои чувства и проведенный вместе с семьей день казались обманом. Дома мы играли в карты, сидя втроем за кухонным столом, что случалось очень редко. Ведь Брану и мне всегда приходилось спешить на работу, чтобы наша семья могла жить.

Между многочисленными домами и магазинами, стоявшими по обе стороны широких улиц деревни, были проложены грунтовые дорожки. Мы подошли к центральной площади. В центре находился колодец, откуда большинство жителей черпало воду. Его окружали здания, вдоль зданий тоже вились грунтовые дорожки, которые сейчас оказались заполнены деревенскими жителями, идущими по своим делам. Здесь были десятки зданий, тесно прижавшихся друг к другу рядами, чтобы сэкономить место и защититься от непогоды, когда наступит зима. По мере того как дорожки разбегались все дальше от основной части деревни, расстояние между домами становилось все больше, а сами дома выглядели все хуже.

Лорд Байрон стоял в центре деревенской площади, а люди выражали ему соболезнования в связи с потерей жены. Его глаза тяжело уставились на меня в ожидании разговора, которого, как мы оба знали, нам не избежать. Ему нужно было понять, что я не сдамся и что речь, которую он подготовил, закончится совсем другими словами, а не так, как он хотел.

– Я скоро вернусь, – сказала я, с улыбкой коснувшись руки Брана, и глубоко вздохнула.

Кожу покалывало, и по ней под тканью платья побежали мурашки. Но в дрожь меня бросило не из-за прохлады осеннего воздуха, а из-за торжествующего выражения лица лорда Мистфела, когда я наконец подошла к нему.

– Эстрелла, – сказал он, и его губы сложились в высокомерную усмешку человека, который был твердо уверен, что добыча уже у него в ловушке. – Прогуляйтесь со мной.

– Да, милорд, – ответила я, принимая предложенную им руку.

На площади воцарилась тишина, потому что лорду Мистфелу не следовало предлагать руку крестьянке. Он вообще не должен был обращать внимание на меня.

– Я знал, что ты передумаешь, – сказал лорд Байрон, ведя меня по дорожке к садам.

Вскоре и все остальные последуют за ним, чтобы стать свидетелями ежегодного жертвоприношения. Лишь потом начнется настоящий вечерний праздник.

– Я хотела бы задать один вопрос, прежде чем приму окончательное решение. – Я не поднимала головы, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Его рука дернулась от неожиданности, и я поняла: он действительно не сомневался в том, что я подошла к нему, поскольку согласилась на его предложение.

– Тогда спрашивай, чтобы мы могли покончить с этой глупостью. Мне надо сделать объявление до того, как Верховный жрец сделает свое, – сказал лорд Байрон, и в его голосе прозвучало нетерпение.

Надо же, он удосужился создать для меня иллюзию выбора. Значит, действительно боялся того, что сделает король, если новости о преступлении лорда Мистфела дойдут до Иннеберн-Сити. Он считал меня настолько ниже себя, что я просто не могла навредить ему так, как он вредил мне.

Мужчины всегда недооценивают женщин, которых считают ничтожными.

– Почему вы выбрали меня? – спросила я наконец, подняв на него взгляд.

Я опустила подбородок и смотрела на него из-под ресниц, чтобы создать образ, который ему хотелось видеть.

– Мы оба знаем, что есть гораздо более красивые женщины, которым вы могли бы отдать предпочтение, так почему я?

Он сжал челюсти и на мгновение прищурился, обдумывая мой вопрос.

– Я не знал о твоём существовании, пока не умер твой отец. Большинство детей просто молчат, если выбрали их родителя. Но ты, Эстрелла, не молчала. Ты плакала, всхлипывая так громко, что тебя наверняка услышали в Полых горах.

– Вы выбрали меня, потому что я оплакивала умирающего отца? – спросила я, сглатывая подступившую к горлу тошноту.

– Попробуй представить, Эстрелла, каково это – быть единственным сыном лорда. Если ты считаешь, что я был суров с тобой, ты ошибаешься. Ты просто не знаешь, как обращались в детстве со мной, – ответил лорд Байрон, глядя вдаль, пока мы шли по пустой дорожке. – Я не оплакивал своего отца, когда он умер. Я удивился, когда увидел, как открыто ты страдаешь – плачешь в храме каждую неделю. Ты плакала несколько месяцев после его кончины и не могла даже смотреть на Верховного жреца. Именно это и привлекло меня к тебе поначалу. Тогда я не понимал этого. Я пригласил тебя к себе в библиотеку, потому что мне хотелось видеть эту грусть в твоих глазах. Шли годы, я понял, что остался без ребенка, и кое-что понял про тебя – ты бы научила своих детей любить. Любить всем сердцем.

– Вы выбрали меня, потому что я любила своего отца и вы захотели, чтобы я научила наших детей так же сильно любить вас? – спросила я, упрощая его ответ и убирая всю чепуху, которую он наговорил, чтобы я его пожалела.

Не стала бы я его жалеть, потому что он, давно перестав быть жертвой, продолжал издеваться надо мной, даже зная, как это больно. Я споткнулась, подумав, что он наверняка издевался и над другими, либо, что еще хуже, вполне мог сделать инвалидом кого-то, на ком жениться не собирался.

– Да. Я выбрал тебя, потому что ты любишь всем сердцем и тебя не волнует, что подумают об этом люди. Чего еще отец может желать для своих детей? – спросил лорд Байрон, поворачиваясь и глядя на меня с напускным ранимым видом. – Им повезет с тобой.

Он поднял руку, чтобы положить ладонь мне на щеку, распухшую от удара его мягкими пальцами, знакомыми только с жизнью в роскоши. Мне же хотелось только одного – схватить и оттолкнуть эту руку. Но я ничего не сделала. На дорожке рядом с садами уже начали появляться люди.

Они молча прошли мимо нас, шагая по комьям вывороченной земли, из которой мы выдернули все растения во время сбора урожая. Небольшими группами жители деревни с торжественными лицами направлялись к месту действия, где каждый год совершалось жертвоприношение.

Они немного погрустят, наблюдая, как на их глазах разыграют ужасную сцену, но потом отправятся на праздник и даже не вспомнят обо мне, как будто меня никогда не существовало.

– Не повезет, – тихо пробормотала я.

Голос у меня сорвался – перед глазами возникла страшная картина того, что должно было произойти. Я не могла смотреть в ту сторону, где уже собирался народ, потому что в памяти у меня сразу всплыло, как против воли тащат к месту жертвоприношения моего отца, в ушах зазвенели отголоски собственных криков, а в горле пересохло.

– Эстрелла, – прошипел лорд Байрон, а на лице у него отразилась смесь недоумения с негодованием.

Я сделала шаг назад, но он все еще не мог поверить в происходящее.

– Ваши дети никогда не будут любить вас так, как я любила своего отца. А знаете почему, *милорд*? – спросила я, позволив ненависти, которую так долго испытывала к нему, проявиться сейчас.

Не так часто мне выпадала возможность быть честной. Конечно, сильно навредить ему я не могла, тем более сейчас, когда погребальный костер уже звал к себе мое тело. Но я могла выбить у него из-под ног почву – сломать планы, которые он разрабатывал более десяти лет.

– Почему? – спросил он, тяжело сглотнув.

Он бросил взгляд через плечо на фигуру, притаившуюся за моей спиной. Мне не нужно было смотреть на нее, я и так знала, кто меня ждет. Вместо этого я уставилась на лорда Мистфела, желая испепелить его силой своего взгляда.

– Потому что вы никогда не будете достойны такой любви.

– Если это твой выбор, то я и пальцем не пошевелю, чтобы спасти тебя. Это ты понимаешь? – спросил он.

– Да, – просто ответила я, поднимая подбородок выше и глядя на него в ответ.

Я и не ждала, что он вмешается, да и не хотела. Если мне придется делить с ним постель и страдать, пока он получает садистское удовольствие... нет, такая жизнь мне не нужна.

Раздув ноздри, лорд Байрона презрительно посмотрел на меня сверху вниз и быстро кивнул человеку, стоявшему за моей спиной. Я повернулась к Верховному жрецу, встретившись глазами с его мягким взглядом.

– Тебе уже сказали?

– Можно я сначала попрощаюсь?

Я посмотрела через его плечо туда, где мать и Бран подошли к Завесе. Брат с трудом катил инвалидное кресло по комьям земли на огромной грядке, и тело мамы подпрыгивало на кочках.

– Конечно, – торжественно ответил Верховный жрец.

Я отошла от него и направилась к своей семье, помогла Брану. Повернувшись спиной к Завесе, взялась за колеса кресла и подтянула его к мерцающему белому барьеру.

К тому месту, где матери придется сидеть и смотреть, как я умираю.

Это было единственное, о чем я сожалела.

Я улыбнулась. Люди вокруг нас растворились в тумане, и остались только мы с ней. Мама внимательно смотрела мне в глаза, и по ее лицу разливалась скорбь, потому что она, конечно же, помнила, как мы уже совершали такое путешествие в прошлом. Она помнила, как отец тащил ее посмотреть, как его принесут в жертву, а мы с Браном шли за ними и плакали.

Устроив ее поудобнее, мы наконец успокоились. Место, где мы расположились, было ничуть не хуже любого другого. Оно находилось позади толпы, и я надеялась, что отсюда не будет видно самых ужасных подробностей.

Опустившись на корточки перед матерью, я взяла ее дрожащие руки в свои и прижалась к ним губами.

– Я люблю тебя, – мягко сказала я, улыбаясь, несмотря на жжение в горле.

Еле сдерживая слезы, которые угрожали вот-вот пролиться, я в последний раз вглядывалась в ее черты.

Мама нахмурилась, когда снова посмотрела на меня, и, высвободив свою руку из моей, мягко коснулась моей щеки.

– Я тоже люблю тебя, доченька. Скоро все это закончится, – сказала она, предположив, что печаль в моих глазах связана со страданиями, которые я каждый год испытываю в этот день.

Я поднялась на ноги и шагнула за спинку кресла, чтобы обнять Брана, прижать его к себе покрепче и насладиться моментом, растворившись в его объятиях.

– Эстрелла, что происходит? – спросил он, отстраняясь и вглядываясь мне в лицо.

– Берегите друг друга, – сказала я, многозначительно глядя на него.

Бран не успел мне ответить, потому что заговорил Верховный жрец. Его голос резко разнесся по саду, как щелканье кнута, и все замолчали.

– Избранная, пожалуйста, выходите!

Я вырвалась из объятий брата, медленно повернулась и глубоко вздохнула. Повернувшись лицом к Завесе, я остановила взгляд на том месте, где меня ждал Верховный жрец, зажавший в руке церемониальный кинжал. Это был тот самый клинок, которым четырнадцать лет назад перерезали горло отцу.

Затем я перевела взгляд на лорда Байрона, стоявшего, прижав руки к бокам, рядом с Верховным жрецом. У него было отстраненное, сдержанное выражение лица. На нем не отражалось ни единой эмоции, ни намек на испытанное им разочарование – лицо стоика.

Еще раз вздохнув, я сделала первый шаг навстречу своей смерти.

– Эстрелла, – произнес Бран странно спокойным голосом, когда до него начало доходить, что происходит.

Еще один шаг, и глаза односельчан уставились на меня, по толпе пронесся шепот. Отец избрал для жертвы представителей двух поколений из одной семьи – такого еще не бывало.

– Эстрелла! – крикнул брат, когда я сделала третий шаг.

Я шла сквозь толпу собравшихся людей, которые расступались, открывая мне прямой путь к Завесе. Никто не хотел стоять на пути выбранной жертвы. Никто не хотел рисковать, привлекая к себе внимание.

– Нет! Только не моя девочка! – закричала мать у меня за спиной.

У нее дрожали руки и голос, и слова, дребезжа, догоняли меня. Но я зажмурилась и продолжила идти вперед. Никто из нас и подумать не мог, какая судьба была уготована мне. Но когда я двигалась вперед сквозь толпу, которую, казалось, окутало туманом, последние слова моего отца звенели в моих ушах.

Улетай на свободу, Маленькая птичка.

А я так и не улетела. Продолжала жить той жизнью, которую он ненавидел каждой частичкой своего существа, но что-то внутри мне подсказывало, что свобода совсем рядом.

Я встала перед Верховным жрецом, склонив голову вперед в знак покорности, слушая, как где-то позади рыдает моя мать. Ее вопли эхом разносились по садам, и каждый бил меня прямо в сердце.

– Встань на колени, – произнес Верховный жрец шепотом свой приказ, пока вел меня вперед.

Завеса покачивалась прямо передо мной – так близко, что до нее можно было дотронуться, и на мгновение я представила себе, как протягиваю руку, чтобы коснуться ее.

Я подумала о том, что могло бы произойти, если бы я это сделала, а затем увидела, как мои пальцы тянутся вперед, будто по принуждению. Исходящая от Завесы магия коснулась моей кожи, скользнула по пальцам, когда плотный занавес вдруг качнулся в мою сторону.

Верховный жрец надавил рукой мне на плечо, заставляя опуститься на колени, и магия, покрывшая кожу, отпустила мою руку, прежде чем я смогла коснуться самой Завесы, и забрала с собой тепло, которое я уже успела почувствовать.

В мире, полном холодной и горькой полуправды и полулжи, Завеса манила меня теплыми объятиями, приглашая туда, где меня будут защищать любой ценой.

Мои колени коснулись песчаной почвы, я положила руки на бедра, ладонями вверх, к небу, и запрокинула голову, чтобы посмотреть в глаза Верховному жрецу. Он стоял рядом со мной, придерживая меня, чтобы, когда я умру, помочь упасть не прямо в Завесу, а немного в стороне – моя кровь должна была окрасить землю, а не его.

– Мы благодарим вас за жертву, Эстрелла Барлоу из Мистфела, и желаем обрести покой в вашем следующем воплощении в объятиях Матери.

Он погрузил руку мне в волосы, крепко сжал пряди на затылке, чтобы притянуть меня к себе под нужным ему углом. Кончик кинжала коснулся горла, впиваясь в плоть, и по коже заструилась теплая кровь.

– А теперь закрой глаза, дитя.

И жрец впился в меня взглядом, страстно желая, чтобы я выполнила приказ. В тот момент я поняла, что ему не хочется смотреть, как угасает в моих глазах жизнь, пока он перерезает мне горло, что он не получает удовольствия от исполнения воли Отца.

Так я и сделала. В ушах у меня громко звенело, и этот звон заглушал и хриплые крики матери, и голос Брана, пытавшегося ее утешить. Мое тело наполнилось теплом, несмотря на прохладный океанский бриз, обдувавший лицо, и это напомнило мне тепло домашнего очага в холодную зимнюю ночь, когда за окном мерцали звезды, а я лежала в обнимку с книгой.

В этот момент я испытала удовлетворение, я поняла, что впервые не чувствую никакой боли. Я больше не хотела чувствовать боль. Не хотела бояться того, что должно было произойти.

Вздыхнув, я ощутила, как Верховный жрец глубже вонзает лезвие в горло и начинает вести им в сторону. Вдруг, сквозь удовлетворение, в которое я погрузилась, у меня возникло чувство, будто что-то изменилось – будто кто-то стучит снаружи по двери, – но никого не было видно.

Внезапно с другой стороны мерцающей передо мной Завесы раздался животный рев, от которого у меня зазвенело в ушах и волоски на руках встали дыбом. Мир содрогнулся.

Я распахнула глаза и увидела прожилки черноты, пробивающейся сквозь ткань Завесы.

– Вы видели это? – спросил лорд Байрон, шагнув вперед и сократив расстояние между нами.

Я посмотрела на него и проследила за его взглядом. За чернотой пробивался рябью яркий свет.

За спиной у меня все замерли, обратившись в единое целое, пока мы с благоговейным ужасом смотрели на Завесу. К барьеру подошли стражники Тумана, державшие руки на рукоятках мечей в ожидании худшего.

– Что нам делать? – спросил лорд Байрон, глядя на Завесу, которая пульсировала магией, как будто по ней били с другой стороны.

Сквозь барьер пробивались треск и звуки бессловесного гнева, а с нашей стороны воцарилась тишина.

Еще один толчок – и чернильно-черная тьма распространилась по барьеру, пульсируя в такт с биением сердца у меня в груди. Я поднялась на ноги, не смея дышать, не смея закрыть глаза.

– Нам нужно укрепить Завесу, – сказал Верховный жрец, снова повернувшись ко мне.

Он коснулся моего плеча, толкая меня вниз гораздо сильнее, и я, упав уже совсем не так грациозно, как в первый раз, приземлилась на руки и колени, почти уткнулась лицом в Завесу и едва не вдохнула мерцающую пульсирующую магию. С надрезанного горла капала кровь, и красные капли растекались по земле, словно в замедленном темпе.

Когда по колеблющемуся белому краю границы прокатилась еще одна черная волна, земля подо мной содрогнулась, будто сам мир пришел в ярость. Верховный жрец решительно шагнул ко мне, намереваясь вонзить нож прямо в горло, и я знала, что сейчас он убьет меня, не колеблясь ни секунды.

Я вытянула вперед руку и коснулась одним пальцем магии, которая взывала ко мне. Руку пронзило электричеством, и с губ сорвался болезненный вздох. В ответ загрохотало небо, и гром эхом разнесся по открытому пространству садов.

Верховный жрец застыл, глядя, как сквозь Завесу просачивается тьма, заливая мир тенями, затягивая дымкой солнце. Она распространялась все дальше, растекаясь по небу, пока полностью не закрыла облака, лишив наш мир света.

– Что ты наделала?

Его глаза расширились от ужаса.

Всем нам в детстве рассказывали легенды о том, что скрывается за Завесой. Все мы выросли на них. Всех нас предостерегали от того, что может произойти, если мы по ошибке сунем свой нос туда, куда не следует.

Нам рассказывали о монстрах, которые придут ночью, выкрадут нас прямо из постели, и больше нас никто никогда не увидит. О людях, которым не повезло, которых поместили фейри, выбравшие их для жизни в качестве своих жалких питомцев.

Земля снова содрогнулась, и на этот раз так сильно, что Верховный жрец и лорд Байрон упали на колени рядом со мной. Люди, стоявшие ближе всех к Завесе, сразу за нами, закричали и, развернувшись, побежали через сады, за которыми надеялись обрести безопасность.

А по Завесе тем временем распространялись трещины, сквозь которые просачивался туман, разделявший наши миры. Пронизанный черными линиями, он расползлся, как клочья паутины, над горизонтом.

Внезапно Завеса перестала колыхаться и застыла, словно примерзшая к стеклу.

– Бежим, – прошептал лорд Байрон, неуклюже вставая на ноги.

На его лице отражались только паника и ужас перед тем, что произойдет, если магия, веками защищавшая нас, перестанет действовать.

И тут Завеса рухнула.

Осколки дождем посыпались на расположенные у границы поля. По земле покатила волна чистой, неразбавленной силы. Там, где когда-то мерцала Завеса, осталась только стена тумана, открытая для любого, кто осмелится пересечь землю и море между мирами: перейти из мира людей в Альвхейм или наоборот.

Время застыло, и мне показалось, что прошла вечность до того момента, когда я повернула голову и встретила взглядом с лордом Байроном. Он упал первым – его отбросило назад, а я почувствовала волну чернильной силы на коже. Она проникла в мое тело через царапины и раны, поселилась в нем, и мне стало казаться, что это больше не мое тело, а что-то другое. Это было абсолютно новое, незнакомое мне чувство.

Сила погрузилась в меня, подняла с колен, толкнула назад, скрутив мое тело в воздухе взрывной волной, прокатившейся по садам. Наконец я упала, больно ударившись спиной о землю, и уставилась в медленно темнеющее небо, на котором щупальца тьмы обвивали солнце.

На землю опустилась ночь. Травинки щекотали мне кожу, проникая под платье и легкую накидку. В голове у меня мелькнула мысль: а взойдет ли солнце когда-нибудь снова?

А потом я почувствовала страшную, ослепляющую боль.

7

Дрожа всем телом, я попыталась свернуться в клубок, но задохнулась от боли, вспыхнувшей с такой силой, будто меня сжигали заживо, разрывали на части, вспарывали мне кожу, чтобы выставить на всеобщее обозрение мою суть – мою душу.

Но я не могла не выстоять: надо было проверить, что случилось с моей семьей. Одной рукой я уперлась в землю, судорожно хватаясь за комья, и под ногти набилась грязь. Другой дотронулась до пореза на шее, пылавшего болью, и ощутила горячую кожу. Боясь обжечься, я убрала руку – рану жгло, как свежее клеймо на лошадиной шкуре.

Развернувшись, я поднялась и посмотрела на Брана. Он стоял на коленях над матерью. Ее кресло откинуло назад силой рухнувшей Завесы. Наши взгляды встретились, и его широко распахнутые глаза наполнились ужасом, когда я приблизилась к ним. Проходя мимо, я заметила, что Верховный жрец и лорд Байрон все еще лежат на земле.

Почему больше никто не двигался?

Бран поднял кресло матери, и я опустилась перед ней на колени, схватила свою накидку и прикрыла шею. Кожа снова вспыхнула болью, когда брат коснулся меня пальцами, и я едва сдержала крик. Мне хотелось выплеснуть эту ужасную боль в потемневшее небо, но на лице Брана было написано что-то такое, что заставило меня подавить желание. Вместо этого я набрала полную грудь воздуха, глаза у меня заслезились, а горло сжалось от потребности высвободить ледяной огонь, распространявшийся по телу.

– Больно, – прошептала я.

Мать перехватила мой взгляд, и ее глаза увлажнились, а затем она медленно кивнула Брану, будто хотела сказать ему что-то, но я не понимала что.

– Тсс, тихо. Успокойся, – пробормотал брат, подхватывая меня за локоть и помогая подняться.

Стражники Тумана, бдившие вокруг садов, наконец тоже вскочили на ноги, крепко сжимая в руках клинки, и принялись обходить людей, оставшихся лежать на земле.

Мать схватила меня за руки, сжала их и наклонилась вперед, чтобы поцеловать каждую.

– Забирай ее, и уходите, – сказала она моему брату низким, властным голосом, несмотря на дрожавшую нижнюю губу.

– Что? Почему мы...

Я замолчала, когда Бран толкнул меня локтем, и мать выпустила мои руки. Он поднял капюшон на моем плаще, чтобы полностью закрыть мне шею, взялся за косу и расплел ее, лихорадочно дергая за пряди, пока волосы не упали мне на плечи и не повисли, прикрывая лицо.

– Бран, – пробормотала я, растерявшись от его настойчивости и странного выражения лица.

Что с ним произошло?

Он схватил меня за руку, и мы медленно побрели обратно к лесу на краю садов. Мы оглядывались по сторонам, чтобы убедиться, что никто не видит, как мы убегаем, а мать ободряюще кивала нам вслед. Я переводила взгляд с одной на другого, не понимая, что происходит.

Куда мы отправились?

Бран остановился, сморщившись, когда заметил какое-то движение в первом ряду лиловых ягод. Стражник Тумана стоял, нависнув над Руком, одним из кузнецов из нашей деревни, и смотрел на шею мужчины, которую тот прикрывал руками. На лице у него отражались страдания и боль. Я подняла руку, чтобы коснуться того же места на своей шее – того самого, которое обожгло меня холодным жаром, когда к нему прикоснулась рука Брана.

– Пожалуйста, не надо! – крикнул Рук.

Страж проигнорировал его мольбу и вонзил в грудь кузнеца клинок, пригвоздив к земле, и затем вынул его. Напряжение почти мгновенно исчезло из глаз кузнеца, грудь содрогнулась в последнем вздохе, а я подняла руку, чтобы закрыть себе рот и не закричать.

Он был уважаемым членом нашего общества. Это он выковал клинки для стражников Тумана, одним из которых его сейчас пронзили. Я никогда не думала, что они способны казнить человека так хладнокровно.

Но теперь, когда фейри снова появились среди нас, все стало возможным.

– Он был меченым, – многозначительно произнес мой брат, и скользнул взглядом по плащу, скрывавшему мою горящую плоть, которой, казалось, с каждым мгновением становилось все хуже.

Словно что-то резало меня на куски, шаг за шагом, сдирая кожу с тела, обнажая то, что должно было быть там сокрыто навсегда.

Стражник Тумана сбросил ладонь Рука с шеи, и я смогла впервые увидеть диковинно закрученные узоры на его коже. Они сияли цветом свежей весенней травы. Это и был знак фейри – знак магии, который означал, что фейри из другого мира выбрала его в качестве своей пары. Раздался страшный, потусторонний крик, наполненный страданием, от которого земля снова содрогнулась, и я не сразу поняла, что это кричит не зверь из лесных пещер.

Кричала фейри – женщина из другого мира, по ту сторону Тумана, которая почувствовала потерю сокровища, которое только что обрела.

Кто-то вроде нее придет и за мной.

Я подняла руку под плащом, чтобы коснуться этого холодного огня, пылающего на коже, когда на меня внезапно снизошло понимание.

О боги.

Я повернулась к матери – та что-то говорила, но слова тонули в ветре, завывавшем над открытой водой, где когда-то колыхалась Завеса. Но я видела ее губы, которые шевелились ясно и четко, и я поняла все, что она хотела сказать, даже на расстоянии.

– Уходи. Быстро, – одними губами произнесла мать, оборачиваясь, чтобы посмотреть на лорда Байрона, пока Бран тащил меня к деревьям.

Лес был темным и грозным, меж ветвей не пробивались лучи солнца, и глубоко-глубоко в груди у меня зародился страх. Даже я не посмела бы бродить по лесу в такой темноте, без луны и без звезд, освещающих подстерегающие нас опасности.

Я не хотела уходить от матери, бросать ее одну в деревне, особенно сейчас, когда на наш мир надвигалась угроза.

– Бран, в лесу...

– По крайней мере, там у тебя будет шанс, – сказал он, ускорив шаг, когда мы нырнули под низко свисающие ветви на опушке леса.

Я видела случившееся с Руком и смутно представляла значение этой метки у него на шее, но разум отказывался воспринимать реальность того, что метка будет значить для меня.

Важным для меня сейчас было только одно – потребность выжить. Ведь люди, с которыми мы вместе работали и которые являлись частью моей жизни, сколько я себя помню, теперь будут желать моей смерти.

Тот самый человек, который всего несколько мгновений назад был полон решимости остановить казнь, чтобы затащить меня в постель, теперь прикажет уничтожить меня, сделать так, будто меня никогда не существовало, вычеркнуть из памяти и стереть с лица земли. Я была готова умереть – но не так.

– Найдите ее! – крикнул у нас за спиной лорд Байрон.

Мы с Браном обменялись быстрыми взглядами и ускорили шаг.

Брат бежал рядом, но я едва могла разглядеть его очертания. Даже собственную руку перед лицом было едва видно, а тьма все расплзалась по небу. Я торопилась, и плащ соскольз-

нул у меня с плеч, обнажив шею. Деревья внезапно осветило вспышкой белого света, и я испуганно вздохнула и споткнулась.

Если до этого момента я и сомневалась, что фейри пометили меня магией, теперь все сомнения исчезли.

Горела вся левая рука, и вниз от шеи тянулись линии, так что казалось, будто огнем у меня горят даже пальцы. Замерев, я наблюдала, как на запястье проявились черные и светящиеся белые завитки, сменившиеся черной луной, которая закрыла верхнюю часть руки.

Я остановилась посреди поляны. Ноги отказывались идти. Они полностью перестали подчиняться сигналам мозга, когда я отдернула руку без знаков от Брана и со страхом встретилась с ним взглядом.

– Эстрелла, что ты делаешь?!

– Они не остановятся, – сказала я, прерывисто вздохнув и только теперь осознав свое положение.

Они будут преследовать меня, пока не найдут, и убьют любого, кто мне поможет, и сожгут целые города, чтобы только не отдать меня фейри, который сделает меня своей спутницей.

Фейри, который станет сильнее, обретя пару.

– Потом разберемся. Пожалуйста, пойдем, – сказал брат, снова хватая меня за руку.

У меня не оставалось сомнений, что, если я продолжу убежать вместе с ним, единственное, чего добьюсь, это подвергну его опасности. А мне совсем не хотелось рисковать его жизнью.

Даже если нам удастся уйти, даже если фейри не проникли сквозь Туман, какая у Брана будет жизнь в бегах со мной? Какая жизнь будет у нашей матери, если некому будет заботиться о ней?

– Я люблю тебя, – прошептала я.

Взяв его руку в свою, я крепко сжала ее в последний раз, а затем толкнула брата так сильно, что он, споткнувшись, отлетел в кусты на краю узкой тропинки и скрылся под крупными листьями папоротника.

Услышав шаги у себя за спиной, я, казалось, даже расслабилась, осознав, что конец близок. Медленно развернулась лицом к стражам, которые знали меня с детства, видели, как я росла. И все же они не колеблясь пронзят мне клинком сердце, чтобы я никогда не смогла возродиться. Моя душа погибнет вместе с сердцем, и вместе с ними исчезну я.

Нельзя было допустить, чтобы фейри брали людей себе в спутники жизни – никогда, ни в этой жизни, ни в следующей. Утратив за долгие века многие легенды, мы утратили и причины и объяснения этому. Мы не знали, почему так произошло, но знали, что допустить этого нельзя.

Когда фейри брал себе в спутники человека, последствия оказывались разрушительными.

– Боги, – пробормотал Лорис, глядя на меня, и я почувствовала, как светящиеся отметины на моей коже запульсировали в ответ на его слова, будто пробудили что-то во мне.

– Это... – Он замолчал, и мое сердце ухнуло вниз, ведь он, казалось, не осмеливался даже заговорить о том, что оставило след на моей коже.

О монстре, который стремился завладеть мной.

Я не очень хорошо разбиралась в легендах, потому что только стражники должны были знать подробности того, с чем они могут столкнуться, когда фейри наконец прорвутся через Завесу. Остальные знали только то, что им позволялось.

Когда фейри снова пройдут сквозь Завесу, все будет потеряно.

– Убей ее. Быстро, – сказал один из старейших охранников, подходя к двум младшим.

Тот, что стоял рядом с Лорисом, был его другом, которого я часто видела во время дежурств.

– Не позволяй ей страдать, – сказал тот, кто постарше.

По щекам у меня покатались слезы, когда я снова повернулась к Лорису и наши взгляды встретились.

– Лорис, – сказала я, сглатывая ком в горле.

У меня было не так много друзей, особенно среди стражников Тумана, так как они считались выше рангом и не общались с обычными крестьянами типа нас. Но Лорис стал одним из немногих, кому я доверяла – доверяла настолько, чтобы отжаться ему, рассказать о ночных прогулках по лесу, делить с ним те редкие моменты, когда я избавлялась от разных ролей, которые надлежало исполнять в обществе, и просто становилась собой.

Сердце мое грозило расколоться пополам от грядущего предательства, хоть я и знала, что цель у него праведная. Бежать смысла не имело, потому что альтернативой бегству была участь гораздо хуже смерти.

Меня найдет фейри.

– Я не могу, – сказал Лорис.

Покачивая головой, он повернулся к своему начальнику и посмотрел в лицо человеку, который обучал его и был для него почти отцом на протяжении многих лет.

– Ты должен, – приказал тот. – Она уже не девушка, которую ты знал, а просто шлюха какого-то убудочного фейри.

Я вздрогнула, чувствуя, как эти слова резонируют где-то глубоко во мне. Метка взбунтовалась, корчась и извиваясь внутри меня, будто обладала собственной яростью, но я подавила это чувство. Оно стало бы моим будущим, если бы я осталась в живых. А смерть казалась бы благословением.

Лорис шагнул вперед, скривив лицо в гримасе боли, потому что я даже не дернулась, чтобы убежать от судьбы, которая меня нашла.

Папоротники на краю тропы зашуршали. Из них выбрался Бран и вскочил на ноги, когда понял, что Лорис намерен делать дальше. Я пригвоздила брата взглядом, пытаюсь мысленно передать ему неизбежность того, что грядет.

– Мне жаль, – сказал Лорис, и боль в его голосе не оставила у меня никаких сомнений в том, что его слова были искренними.

Но долг стоял на первом месте.

– Мне тоже, – ответила я, отчаянно желая, чтобы меня прикончил кто-нибудь другой.

У меня не было никаких отношений ни с кем из других стражников Тумана, и я всегда считала их ужасными и холодными.

Но Лорис показался другим.

Тяжело сглотнув, он рванулся вперед с мечом, но смотрел при этом в сторону, словно не мог видеть, как выполняет свой долг. Я инстинктивно подняла руки, дрожа от надвигающегося удара.

Но боли так и не почувствовала.

Я открыла глаза и увидела, как Лорис пытается вырвать свой меч из шара кружащегося света, который я держу в руках. Исходящие из шара щупальца взбирались по рукояти меча, обвивали запястье и ползли вверх по руке, а я наблюдала за этим, как зритель. Ледяная ярость в моих руках была такой холодной, что обжигала, как пламя, горевшее у меня в груди, а белые щупальца света пронизали кожаные латы Лориса, чтобы добраться до его тела.

Когда щупальца достигли своей цели, его глаза расширились, и рот открылся в безмолвном крике.

– Эстрелла, – выдохнул он.

Я громко всхлипнула, когда Бран сделал шаг ко мне.

– Не подходи, – предупредила я его.

Я никак не могла остановить исходившую из меня силу, и ничто не смогло бы остановить инстинктивную защиту, действовавшую без моего разрешения.

– Перестань, – умоляла я магию, всхлипывая, когда эти белые лозы ползли по шее Лориса и касались его лица.

Его карие глаза побелели, кожа на лице растрескалась, и он, казалось, старел у меня на глазах. А я могла только в ужасе наблюдать, как капля за каплей высасываю жизнь из его тела.

Потому что *существо*, завладевшее мной, использовало меня как оружие.

Голова моего друга внезапно свесилась набок, по безмолвному лесу эхом разнесся хруст шейных позвонков, и его тело рухнуло на лесную почву. К тому моменту, когда Лорис повалился на хрупкие осенние листья, он превратился просто в грудку снега на земле.

Старший страж удивленно уставился на то, что минуту назад было одним из его людей, и, нахмутив брови, пытался осмыслить увиденное. А я даже не могла понять, что сделала.

– Я не хочу причинять тебе боль, – сказала я, мотая головой из стороны в сторону.

Магию во мне не волновало, чего я хочу или не хочу. Она заботилась только о том, чтобы сохранить мне жизнь и обеспечить мою безопасность, пока феяри, который командовал ею, не нашел меня.

Стражник нанес удар, и я бросилась на землю, пытаюсь спасти ему жизнь, но белые лозы все равно получили то, на что нацелились: они обвилились вокруг его горла и стали медленно сжиматься. Он бросил меч и схватился за них в отчаянной попытке избавиться от удушающих объятий магии и вдохнуть побольше воздуха. Но силы были неравны, и вскоре он присоединился к куче снега у моих ног, а я еще раз сдавленно всхлинула. Единственный оставшийся в живых стражник Тумана отступил и поспешил обратно в Мистфел, в безопасное место, подальше от контролирующей меня силы.

Все произошло так быстро. Только что они стояли тут, готовые убить меня, чтобы спасти от того, что грядет, а потом просто... исчезли.

– Нам нужно идти, – сказал Бран.

Теперь он держался на расстоянии и не стал брать меня за руку.

– Я-я... – я попыталась найти слова, чтобы выразить переполняющую меня пустоту.

То, что я сделала, никто не смог бы простить.

– Шагай! – вдруг крикнул он, и резкий звук его голоса в лесу вырвал меня из ступора.

Когда стражи Тумана поймут, что Лорис и другой охранник не вернулись, они отправятся на поиски.

Их я тоже не хотела убивать.

8

У меня ныло все. Каждый шаг отдавался болью в теле, и с каждым шагом мы все больше удалялись от деревни, которая была всем нашим миром. Глядя на Брана, шагающего рядом, я не могла смириться с мыслью, что мы оставили мать одну, что за ней теперь некому присматривать. Он должен был остаться с ней. А мне все равно придется умереть.

Шли часы, время текло в ночи, наступившей посреди дня, и во мне росла решимость заставить Брана вернуться домой. Некому будет защитить нашу мать, когда фейри прорвутся сквозь туман и снова придут в Нотрек. Никто не помешает им убить ее вместе с остальными жителями Мистфела, когда они начнут охоту на Меченых.

Мне нужно было сделать все возможное, чтобы отправить брата обратно, чтобы он позаботился о маме, а я продолжу бежать, пока будет куда.

– Тебе нужно вернуться, – выдохнула я.

Легкие горели от холода, и я тяжело дышала, пока мы бежали по лесу. Бран быстро шагал рядом. Он был выше меня и потому двигался быстрее, и мне, чтобы не отставать, приходилось вкладывать все свои силы в эту гонку от смерти. В боку у меня сильно кольнуло, мышцы свело судорогой, и все внутри сжалось.

У меня не оставалось ни минуты, чтобы перевести дух или избавиться от магии, изменившей меня после падения Завесы. Мы все время бежали, и времени на такую роскошь, когда на кону стояла жизнь, не было совсем.

Ветки били меня по лицу, тропинка практически исчезла, слившись с навязчивыми тенями тьмы, и я не могла понять, листья ли это шуршат под ногами или вместе с нами в лесу есть что-то еще.

Лес считался домом для самых разных животных. Здесь жили и кролики, которые, без сомнения, уже бросились в свои норки и тихо сидели там, и каменные тролли, днем скрывавшиеся в пещерах. Их тяжелая поступь сотрясала землю и никак не могла сойти за шорох. Но пауки и змеи вполне могли ползти рядом с нами: в темноте их бы никто не заметил.

– Не могу, – ответил Бран, и хотя я не видела его лица, я могла поклясться, что он отрицательно покачал головой. – Послушай меня, Эстрелла. Что бы ни случилось, ты должна сделать все, чтобы фейри не поймал тебя. Поняла?

– Знаю, – прохрипела я, тяжело дыша и пытаюсь не отставать от него.

Казалось, брат совсем не запыхался, и я не могла понять, как ему это удается. Он всегда был самым быстрым мальчишкой в нашей деревне. И одним из сильнейших бойцов, хоть и не хотел вступать в ряды Стражи Тумана.

Внезапно что-то ударило меня по лбу, и боль охватила всю голову, а перед глазами взорвалась вспышка белого цвета. Я споткнулась и, завалившись на бок, подняла руку, чтобы нащупать толстую ветку, на которую налетела. Встав на колени, я коснулась рукой кровоточащей раны у линии волос и промокнула ее плащом, которого даже не могла разглядеть в крошечной тьме.

– Эстрелла! – тихо прошипел Бран, и его нога в ботинке коснулась моего колена, когда он нащупал меня. – Вставай.

Он не удосужился даже проверить, могу ли я встать, или спросить, что случилось. Им руководило только одно желание: уйти как можно дальше от монстров, которые последуют за нами, и оно толкало его вперед.

– Я не могу, – сказала я, блуждая глазами в водовороте тьмы и теней.

Сквозь деревья с порывом морозного ветра пролетел вой, и все внутри меня сжалось от ужаса.

– Дикая Охота приближается, – сказала я глухим голосом.

По небу эхом разнесся стук копыт, словно гром. Сердце у меня вздрогнуло. Обернувшись, я увидела все ту же непроглядную тьму, не было видно даже деревьев, через которые мы только что прошли. Тьма окружила меня, усиливая страх и уверенность, что за нами кто-то наблюдает.

Кто-то, кого невозможно разглядеть.

– Вставай, – повторил Бран.

Он нашупал мою руку, схватил за локоть и поднял на ноги.

– Оставь меня и уходи, – потребовала я, выдергивая локоть, пока он помогал мне пробираться сквозь чашу.

Брат замедлил шаг, давая мне отдышаться, а затем снова пошел быстрее. И в это время небеса вспыхнули красочным разноцветьем, взорвавшим ониксовое небо.

– Я тебя не оставлю. Никогда, – сказал Бран, хотя и запнулся, подняв лицо, чтобы посмотреть на чернильную ночь, раскрашенную акварельной пастелью, которая кружилась и скользила сквозь облака.

Поглощенная неземной красотой, которая не принадлежала миру людей, я открыла рот, увидев, как выются и переплетаются разноцветные лучи. В наступившей тишине мы с удивлением смотрели на небо, и жжение в легких, казалось, слегка успокоилось, с неохотой, но соглашаясь с неизбежным.

Никогда мне не спрятаться от существ, которые были настолько сильны, чтобы расписать акварелью небо. Я никогда не знала настоящей свободы и совершенно погрузилась в жизнь, уготованную в Мистфеле, поэтому мне и в голову не приходило задуматься о том, что может ждать меня, если уйти дальше, вглубь страны.

Теперь я этого и не узнаю.

Глубоко вдохнув холодный воздух, я повернулась и посмотрела брату в лицо. Освещенные акварельным небом, его янтарные глаза тоже отражали свет, пока он не опустил голову, чтобы посмотреть на меня. Бран сглотнул, и у него перехватило дыхание, когда над нашими головами пролетела стая птиц, скользивших между деревьями, как будто риск врезаться в дерево был намного меньше, чем опасность, висевшая у них на хвосте.

Из темноты на меня снова уставилась пара янтарных глаз: опять козодой – единственная птица, которая не улетела в ужасе. Зловещие глаза блеснули в темноте, прежде чем она взлетела в небо и растворилась в ночи.

– Мы должны идти, – сказал Бран, двигаясь вперед и увлекая меня за собой.

Я замедлила шаг, и меня накрыл ужас, потому что однажды нам придется попрощаться. Эмоции, которые я увидела в его глазах, только подтвердили то, что я уже чувствовала сердцем.

Мы оба знали: расставание неизбежно.

Его золотистые волосы переливались разными цветами, отражая вспышки в небе каждый раз, когда мы подходили к просвету в деревьях, и я пыталась сосредоточиться на нем. На его силе, которую ощущала рядом, которая тянула и подталкивала меня, чтобы я не останавливалась.

Далеко позади нас воздух взорвался криком, и Бран вздрогнул.

– Мы никогда не сможем обогнать их, – сказала я, зная, что в конце концов вся эта гонка не имела смысла.

Даже если забыть, что они владеют магией, которая позволяет им путешествовать по землям людей, мы шли пешком. Мы устали и не привыкли ходить на большие расстояния, не говоря уже о том, чтобы бежать. Мы больше не могли идти с той скоростью, с которой двигались несколько часов назад, в начале нашего путешествия.

Но даже если бы и могли, этого было бы недостаточно.

Бран кивнул, казалось, соглашаясь с тем, что я сказала. Но мы продолжали шагать по лесу, стараясь вести себя как можно тише, так как оба понимали, что любой шум может привести нас к гибели.

Мы шли в тишине уже как будто целую вечность; разноцветные вспышки в небе исчезли, угаснув в медленно накатывавшей черной волне, которая, казалось, смыла остаток света с нашего мира. Желудок у меня сжался, когда, как мне привиделось, черные завихрения на моей руке начали корчиться, реагируя на эту жуткую тьму.

– Он здесь, – прошептала я, поворачиваясь в поисках брата, которого стало невозможно разглядеть, когда лес снова погрузился в темноту.

– Кто? – спросил Бран таким тихим голосом, что я сразу поняла – ответ он уже знает.

Я не знала, как его зовут – этого безликого фейри, который думал завладеть мной с помощью магии. Но я чувствовала его, пульсирующего внутри меня, как заразу в крови. Это было совсем другое чувство – совершенно непохожее на страх, внушаемый Дикой Охотой, распространявшейся по всему королевству, с воем гончих и топотом конских копыт, эхом разносившихся по воздуху.

Я утром почуяла момент, когда фейри достиг мира людей и ступил на землю Нотрека. Я чувствовала его внутри себя, под кожей, и моя Метка извивалась так, будто хотела вытянуться подальше, призывая его ко мне.

– Он, – сказала я, и вдруг скорее ощутила, чем услышала, что Бран споткнулся и исчез.

Просто взял и исчез, растворился в ночи, а разглядеть его во тьме и понять, что произошло, я не могла.

– Что с тобой? Где ты? – спросила я, присев на корточки и ощупывая землю.

Почва под слоем листьев на лесной подстилке была влажной, жирной и плотной, и я ощупывала ее пальцами, чтобы обнаружить брата.

По тыльной стороне ладони проползло что-то гладкое, покрытое чешуей, проскользнуло мимо, не останавливаясь. Я взвизгнула, прикрыв рот грязной рукой, чтобы заглушить звук.

– Бран! – прошептала я, поворачиваясь на корточках и отчаянно пытаюсь найти его.

Я ждала его ответа и уже начала впадать в панику, когда наконец услышала его голос.

– Я здесь и, кажется, нашел нам укрытие.

Что-то коснулось моей лодыжки, проникнув под подол платья и ухватив за него.

– Это я, – произнес Бран, крепко удерживая меня, когда я попыталась освободиться от его хватки.

– Напугал...

– Дай руку. Я помогу тебе спуститься, – сказал брат, и я сделала, как он просил.

Он помог мне слезть с уступа, на котором я стояла. Держась одной рукой за Брана, а второй хватаясь за влажный корень дерева, я осторожно спустилась в яму.

Сев рядом с братом и прислонившись спиной к грязным корням, я не смогла сдержать истерического хихиканья, которое буквально булькало у меня в горле, как и избавиться от ощущения недоверчивого взгляда Брана, который, казалось, пытался пронзить меня насквозь.

– Откуда нам знать, надежно ли мы спрятались, если не видно ни зги? – спросила я, когда наконец смогла дышать сквозь смех.

Он фыркнул, опустив голову мне на плечо и покачав ею из стороны в сторону. Я прижала ноги к телу, крепко обхватив их, а он обнял меня за плечи. Прильнув друг к другу, мы пытались сохранить тепло. Ведь сидя без движения в окружающем нас холодном ночном воздухе, мы вполне могли замерзнуть до смерти. Было бы неплохо развести костер, но ничто так не привлекает всевозможных лесных хищников, как пламя в ночи.

Взойдет ли солнце утром? Или фейри погрузили нас в вечную тьму, из которой нам никогда не выбраться?

Глаза у меня наконец закрылись, поскольку усталость стала невыносимой. Мне хотелось почувствовать лучи солнца на коже, и с этим желанием я уплыла в царство снов, где монстры не грозили унести меня в мир тайн и чар, а самым опасным существом в моей жизни был развратный лорд, который хотел сделать меня своей женой.

И я заснула.

* * *

Мои глаза резко распахнулись. Кто-то зажал мне рот рукой, разбудив и вырвав из ночного кошмара. Пронзительный крик ожег мне горло, пытаюсь вырваться наружу.

– Тсс, – прошептал Бран мне на ухо дрожащим голосом.

В отчаянии я дернула головой, пытаюсь освободиться от его руки, которая была покрыта грязью и пахла гниющими листьями и разложением.

Наконец он убрал руку, и я подняла свою, чтобы самой прикрыть рот. Я не знала, что заставило Брана разбудить меня, так сильно напугав, но изо всех сил старалась заглушить звук собственного дыхания. От моей руки пахло кровью с привкусом металла и грязью, засохшей на коже, а раны были присыпаны раскрошенными опавшими листьями.

Небо все еще оставалось темным, и было непонятно ни сколько времени, ни того, день сейчас вообще или ночь. Я не могла определить, проспала мы несколько минут или несколько часов. Единственное, в чем я была уверена, это в том, что совершенно не выспалась. Я ждала молча, борясь с искушением спросить Брана, почему он напугал меня до смерти. Вокруг царила тишина, и ничего не происходило. Только я собралась открыть рот, как наконец услышала очень тихий стук.

Так стучат по земле копыта. Стук был приглушен покрывающей землю листвой и отсутствием твердой поверхности, по которой лошади могли бы стучать подковами. Тот, кто к нам приближался, двигался медленно и ровно, и я развернулась, чтобы посмотреть сквозь корни деревьев над нашими головами.

Перед лицом у меня была только тьма, вокруг – только тишина ночи. Я вглядывалась в нее, крепче прижимая руку ко рту и шурясь, вжимаясь телом в грязь и съеживаясь сама и при этом радуясь, что на мне грязное заношенное платье, сливавшееся с гнилым деревом.

В этот раз наша бедность пошла мне на пользу.

Я перестала дышать в тот момент, когда в поле зрения появилось первое копыто, сияющее серебром, будто оно создавало собственный свет и искрилось в кромешной тьме. Там, где у любой обычной лошади была шкура, блестела гладкая полированная поверхность костей ног, которые мерно шагали вперед. Из костей состояли не только ноги, но и все тело – скелет животного, которого уже не было в живых.

И все же существо двигалось сквозь ночь, шаг за шагом, и за ним следовали другие. Я подняла взгляд на призрака в облике человека, который ехал на скелете лошади. Он, состоявший из множества белых и черных теней, казалось, светился. На плечи ему падали темные волосы, свисавшие так, словно бросали вызов земному притяжению. Они растворялись в чернильно-темном воздухе, который окутывал призрака, и становились частью теней.

Его покрывала дымка магии, и глаза сияли белизной – в них не было ни единого оттенка другого цвета. меховой накидке на его широких плечах позавидовал бы самый богатый человек в Мистфеле. В темные пряди волос были вплетены перья, и они подпрыгивали при каждом тяжелом шаге его лошади-скелета.

Единственным ярким пятном среди клубящихся теней, из которых, казалось, состояло все его существо, выделялась на его лице татуировка цвета голубого льда. Она тянулась вниз по центру лба, разделяя лицо пополам, и изгибалась над переносицей. Затем светящиеся линии распались на отдельные и изгибались завитками на каждой из скул.

Несмотря на то что все в его облике выглядело зыбким, а не твердым, от него исходила угроза разрушения. Полупрозрачное существо, от которого настолько сильно веяло Иным, – такого я еще не встречала.

Он проехал мимо, за ним последовал строй других всадников на таких же лошадях-скелетах. Внешность у всех была разной – отличались прически, сочетание теней и света, очень смутно напоминавшее очертания человека, – но у каждого на лице светила голубая метка.

Я совершенно точно знала, кто они: та сила, о которой рассказывали наши легенды и которая первой выследит тех, кто отмечен фейри.

Дикая Охота.

Я посмотрела вперед и с ужасом обнаружила, что призрак-предводитель натягивает поводья и останавливает своего коня. Он быстро развернулся, скрутив шею и плечи, чтобы посмотреть на конец своего отряда. Меня как будто ударил взгляд этих белых глаз, и на мгновение показалось, что предводитель не только увидел меня, но и, заглянув в меня, проник в самую суть всего, чем я стала. Жжение на шее, усилившись, запульсировало холодным жаром предупреждения.

Я повернулась, чтобы снова прижаться спиной к земле, и плотно закуталась в плащ, обернув его вокруг головы и шеи, в надежде подавить чувство, охватившее меня пламенем изнутри.

По лесу разнеслись шорохи и стуки, и эти звуки эхом отразились от деревьев вокруг нас. Всадник спешил. Я еще сильнее прижала руку ко рту, борясь с паническим вздохом, переполнившим легкие, пока сердце с грохотом, как мне казалось, билось о грудь.

Я была уверена, что не только призрак слышит, как у меня в венах стучит кровь, но даже твари, ползающие в подлеске у его ног.

Я замерла в ожидании, считая вдохи после каждого шага. Слишком много чересчур долгих пауз между ударами его ног по земле. Либо он хотел помучить свою добычу, либо действительно не был уверен, где мы можем прятаться. На последнее я и надеяться не смела.

Мысленно я уже подготовилась к тому, чтобы сдать в обмен на жизнь Брана, и потянулась, чтобы взять его руку в свою. Я надеялась хотя бы еще на мгновение ощутить тепло руки брата на своей, перед тем как потерять все остальное. Но по его коже пробежал ненавистный мне холод.

Полупрозрачное существо приблизилось еще, и я убедилась, что оно все-таки не призрак, посланный из подземного мира, чтобы наказать меня за попытку бежать. Последний шаг был сделан прямо над нашими головами, и под весом существа почва пошевелилась. На нас дождем посыпались комья грязи; они падали между скрывавшими нас корнями деревьев, и вскоре мой плащ и волосы покрылись ими почти полностью.

Мы сидели совершенно неподвижно, затаив дыхание и ожидая момента, когда он пролезет через корни и вырвет нас из укрытия.

Я втянула в себя воздух, и легкие охватила дрожь, когда у меня в голове возник этот образ. Бран, повернувшись, посмотрел на меня с немим упреком за слишком громкий шум, но вой гончих вдали заглушил мой судорожный вздох в самый неподходящий момент.

Ветер разносил лай гончих, которые обнаружили добычу, и чувство вины тут же охватило меня дрожащими объятиями.

Когда предводитель Дикой Охоты вскочил на лошадь и весь их отряд ускакал вдаль, я почувствовала лишь одно – благодарность за то, что гончие учуяли не меня. Я доживу до того, чтобы спрятаться получше и провести на белом свете еще один день, даже если это будет означать, что так повезло не всем.

9

Меня разбудил солнечный свет. Я почувствовала его тепло на лице и открыла глаза. Несмотря на все страхи, что наш мир погрузился в вечную тьму, солнце утром все-таки взошло. Его лучи осветили окружающий нас вечнозеленый полог, и иголки на деревьях мерцали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.